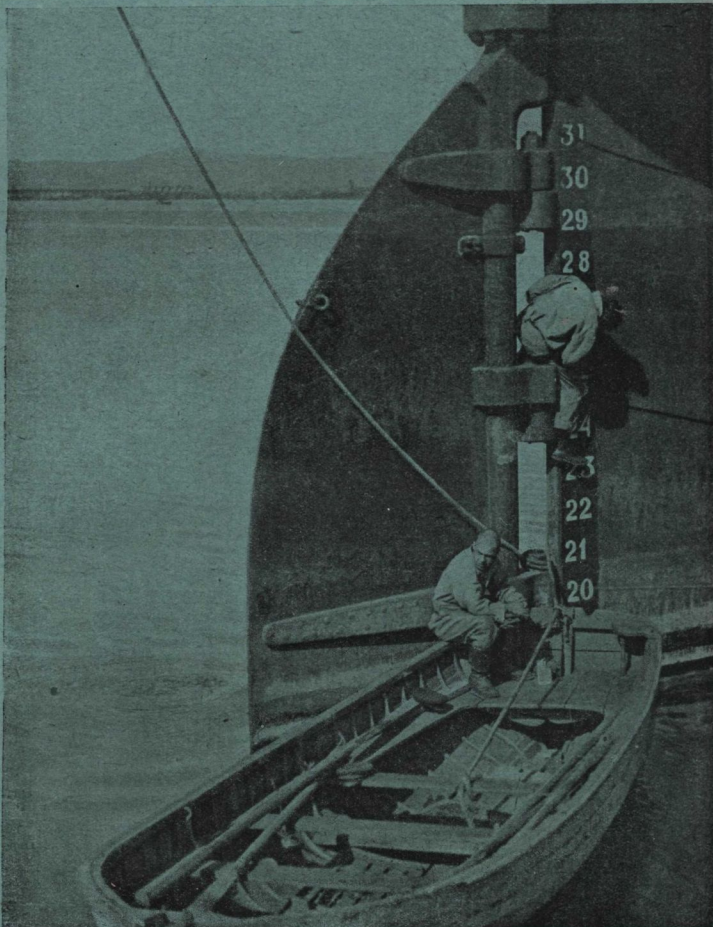
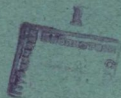

С М Е Н А

ЦЕНА 10 КОП.

XX 101
— 1

10

1929

Молодая гвардия

НАВИГАЦИЯ ОТКРЫТА. Окраска парохода Совторгфлота перед выходом из порта.

ТРАМЫ

Очерк МИХАИЛА ДОЛГОПОЛОВА

Этюдная работа Замоскворецкого Трамва в Москве («Гайна» по рассказу Чехова).

комсомольской. Среди актерского состава Трамва 95 процентов рабочих от станка.

Своими спектаклями Трамв выявил основные проблемы, стоящие перед комсомольской организацией. Каждый спектакль вызывал десятки диспутов; споры у станка переходили в бурные дискуссионные комсомольские собрания.

Последние работы Трамва «Плавятся дни» и оперетта «Дружная горка» являются крупными событиями в советском театральном искусстве. Читателям «Смены» памятен тот исключительный успех, с которым проходили гастроли Ленинградского Трамва в Москве.

Только после двухлетней напряженной работы Трамв освободил 14 своих лучших сотрудников от производства и дал им возможность посвятить себя целиком театральной работе.

Трам сумел стать ярким бытовым образцом не только для театральной среды, но и для всей комсомольской организации. Трамковский коллектив отличается исключительной товарищеской спайкой, редкой бытовой выдержкой и огромной верой в свое дело.

Сейчас Трамв имеет в Ленинграде постоянную театральную площадку.

26 ноября 1928 г. Трамв праздновал свое тридцатие.

Вслед за Ленинградским Трамвом театры рабочей молодежи организовались в Москве, Иваново-Вознесенске, Харькове, Перми, Баку, Нижнем-Новгороде и целом ряде других городов СССР. Прессы, созданные Ленинградским Трамвом, ставятся сейчас по всей Советской стране и имеют большой успех у рабочей молодежи.

В Москве имеются 3 театра рабочей молодежи: Центральный, Замоскворецкий и Рогожско-Симоновский.

К сожалению, до сих пор работа во всех московских Трамвах велась разрозненно и без достаточного руководства рай-

комов КСМ. Только недавно в Центральный Трамв был назначен руководителем один из помощников Соколовского—руководителя Ленинградского Трамва. За исключением московского Центрального Трамва, находящегося в ведении МК ВЛКСМ и УМЗП, остальные Трамвы прикреплены к соответствующим районным домам комсомола. Финансовая база, благодаря расплывчатости даже крайне незначительных средств, отпущаемых каждому Трамву в отдельности, крайне неудовлетворительна.

Для того, чтобы наладить более продуктивную работу, пожалуй, было бы целесообразно слить некоторые районные коллективы с московским Центральным Трамвом. Установить единые методы преподавания, художественного руководства и воспитания трамвщиков.

В 1926 году в Иваново-Вознесенске молодые советские текстильщики положили начало существованию Трамва.

Первой своей постановкой «Хулиган» Трамв заставлял говорить о себе не только молодежь, но и взрослых рабочих. Следующими работами: «Бузина», «Булав», «Мещанин» Трамв настолько завоевывает иваново-вознесенского зрителя, что его начинают приглашать «на гастроли» в уездные рабочие районы. Но после «Мещанин» Трамв переживает тяжелый финансовый кризис, который заставляет его ликвидироваться, а коллективу слиться с драмкружком. После полугодовой дискуссии местные организации общаются Трамву моральную и материальную поддержку, но... пока что его высекают из старого помещения, разогнав хорошо сработавшийся коллектив.

В том же 1926 году из небольшой группы драмкружков организовался Бакнинский Трамв. Та же борьба за право на существование, помещение, финансовую базу. Невладо Трамв был передан в ведение Бакнинского просвета и вздохнул полной грудью: получено постоянное помещение, набраны новые ребята, приглашен режиссер. Утвержден репертуарный план, в который входят: «Плавятся дни», «Зови, фабком», «Шлак», «Малиновое варенье» и др./Все премьеры Трамв проедает бакнинской газете «Молодой Рабочий», которая устраивает коллективные посещения рабочей молодежи.

Недавно организовался Трамв в Воронеж—первый в Центрально-Черноземной области. Помимо работ по подготовке пьес «Смотри в оба» и «Страшный суд», проводится учебно-воспитательная работа по поднятию общего культурного уровня трамвщиков. При Трамве создается симфонический оркестр из рабочих.

В июне 1928 г. был создан Трамв в Ташкенте. После первой своей постановки «Клещи и уголь» Трамву были отпущены средства и он был окончательно утвердился горкомом ВКП(б).

После этой своей постановки трамвщики перешли на углубленную работу по овладению азбукой драматического искусства, прожая ряд театральных дисциплин. Попутно с этим проводится работа по постановке пьесы «Шлак». Всего в этом сезоне Трамв даст четыре постановки. Состав Трамва колеблется между 26 и 39 человеками, из которых 81 процент партийцев и комсомольцев. И, несмотря на это, у некоторых активистов и даже у секретарей комсомольских чечек существует непонятное предубеждение и недоверие по отношению к Трамву. Между тем, Тюменский Трамв получил лучшие от-

Бытовая сцена в одной из постановок Замоскворецкого Трамва.

(Окончание на 3-й стр. обложки)

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВКП(Б)

XX 10/1
1

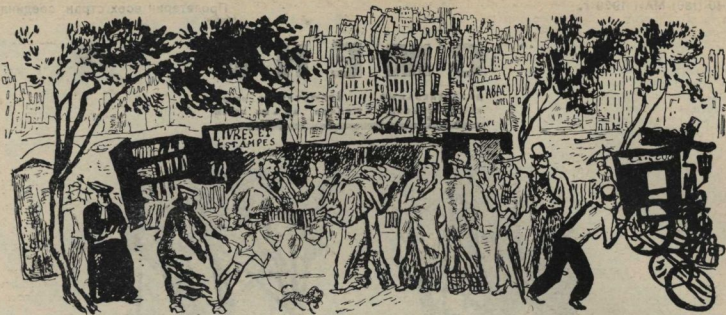
ВЕСЕННИЙ ФРОНТ

СТИХОТВОРЕНИЕ Л. АРХАНГЕЛЬСКОГО (БРЯНСКОГО)

Трубят, трубят
Отбой Ручьи...
Над отступившими снегами.
Спятельны и горячи
Висят,
Как сабли над врагами,
Неотраимые лучи.
Уж насыпь занята,
И вот—
У ног леги,
Как шпалы,
Ветры.
И твердь—
захваченных
высот
Раздвинута
На километры;
Вперед!

Пружинилсь,
руки релье
Снешат
Вагоны к горизонту,
Как триумфальный гром, пронесь
По торжествующему фронту,
Навстречу даям—
На ура!
Состав,
В глазах мелькнув,
Как зная,
Разрезал
воздух
Пололам,
Шила
лебзяными крылами.
И провоняя
Пар и дым
В сквозные талье высоты,
Напель
в закатной позолоте,

Гренит
Оркестром духовым...
Но проступают
Звезд миры,
И мы
следим
Блестящим взором,
Как разгоратся
Ностры
Дозор несущих семафоров.
И кровь—
клубящийся прибой!
В разгорченных наших ниллах
Поет
Горнистой трубой...
Мы,
Битва гражданских старонилы,
Ведем
Индустриальный бой.

НОЧНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ

Повесть М. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

Иллюстрации Г. ФИЛИППОВСКОГО и М. ГУТМАНА

I

ИГРУШЕЧНАЯ фабрика «Деревянный Лев», запрятавшая свои несложные машины в неопределенного цвета дом на улице Пиренева, постукивала последние часы рабочего дня.

Поглядывая на медленно двигающуюся стрелку старинных часов-кукушки, висевших на стене, рабочие ждали минуты, когда можно будет скинуть с себя синий бузаеиный костюм, запрятать в номерной фабричный шкафчик и, забыв о заводских делах, выйти на улицу, где их ждал обед, горячее черное кофе и стакан доброго сидра в угловом ресторанчике.

Поглядывая на часы и Дагбер, занятый вырезанием из доски длинного леопарда.

Леопард оживал: кровожадная пасть улыбалась, как бы требуя на завтрак серой испуганной антилопы.

Сегодня Дагбер успел выработать полторы нормы и поэтому был доволен.

Вычистив щеткой только что сделанную игрушку, он положил ее в ящик, наполненный другими уже готовыми леопардами, и собирався, было, вернуться к своему станку, когда в комнату вошел контролер и, махнув в его сторону рукой, крикнул: — Эй, малый, жарь в дирекцию. Там с тобой хотят по-толковать.

Хорошее настроение мигом покинуло Дагбера — новая неприятность.

В кабинете директора, едва взглянув на вошедшего, о хитрой улыбкой обогрешего рта промывал:

— Отдохнуть бы вам не мешало, молодой человек.

— Зачем?

— Для восстановления сил, конечно. На заводе снова появились листочки, и только сова днем не заметит вашей работы.

— Ага, понимаю.—Дагбер улыбнулся. Спорить бесполезно. Расчет так расчет. Хорошо, что хоть не впервые. И, скомавав в кулак несколько полученных от кассира десятифранковых бумажек, он громко хлопнул фабричной дверью.

Дагбер не удивлялся. Вчера, сегодня, завтра, чуть ли не ежедневно его гоняли с завода на завод: то листочки, то стачки, то что-нибудь вообще, за что полагается гонять французского комсомольца.

Покинув фабрику, он вскомил в подземную железную дорогу и, промываясь сквозь черную туннель, вышел на площадь Бастилии, где в маленьком кафе должен был состояться ужин, даваемый комсомольцами уходящим на марокканский фронт солдатам.

На этом-то ужине комсомольский шприц должен был выпустить красную бациллу французской армии.

В кафе Дагбер столкнулся с секретарем райкома Луизой.

Тонкие черные брови радостно приподнялись ему навстречу. Луиза умела одновременно быть хорошим веселым товари-

шем, радостно хохотавшим при кандном удобном случае, и строгим секретарем, призывающим ребят к порядку.

Сейчас Луиза была начата лишь месяца два тому назад, и потому устроители чувствовали себя крайне неуверенно в этом деле.

Вчера смычки с солдатами и кампания против войны в Марокко была начата лишь месяца два тому назад, и потому устроители чувствовали себя крайне неуверенно в этом деле.

«Как говорить с незнакомыми людьми в синих шинелях, как найти общий язык?», вертелся в голове у Луизы. Она образовалась приходу Дагбера. У Дагбера язык был приращен на должном месте; с его помощью Луиза надеялась справиться с делом.

Комната наполнилась комсомольцами и солдатами. Первые смеялись, покуряли синие дешевые папиросы, опираясь на толстые суковатые палки, не раз мерившие спины фашистов,— вторые смущенно подпирали стены, не зная, куда смотреть и как себе вести.

Солдаты в своем большинстве были из крестьян, уроженцы глухих департаментов Франции, где до сих пор еще стучат по улицам деревянные башмаки, и проповедь священника собирает немало слушателей.

Епрочем, это деловое обстоятельство деловое не деловое. Толстый, побродушный калачик принес вино, сыр и хлеб, купленные на деньги, собранные по полному листу комсомольцев. Обедяемые приветливыми взглядами хозяев, гости сели за стол.

Луиза открыла собрание — короткая речь: приветствие от имени ячейки, несколько слов о работе комсомола и о войне в Марокко.

В ответ молчание. Люди в синих мундирах смущенно поглядывали в тарелку, видно не желая принимать участия в беседе.

Комсомольцы атакуют: сыплют ловушки и призывы, сколько их — не сосчитаешь. Порой неслышно, порой совсем корово, но зато искривле.

Увы, солдаты слушают внимательно, пожевывая бутерброды с сыром, попивая вино, но упорно молчат.

Нагнувшись на пассивность солдат, запас комсомольского красноречия истощается. Молчание разливается по комнате, окутывая и давя присутствующих.

Дагбера это ялит и он решает нанести удар в лоб.

— Эй, пороссяки головы,— кричит Дагбер.— Легче заставить говорить Вифлеву башню, чем вас. Да неужели вы не понимаете, идиоты короткохвостые, кровью беременные, что вас гонят на убой? И лишь для того, чтобы в будущем какой-нибудь буржуа купил себе лишнюю простынку или приобрел себе легкой автомобиль.

Слова Дагобера разрезали пополам проклятое молчание. Влеза за его спиной, как за передовым отрядом в пробитую брешь в стене крепости, кидается войско, ловче и смелее вступают в беседу другие товарищи.

— Оно, конечно, правда,—заявляет один солдат.— Действительно, нет никакого смысла влезать. В деревне сейчас беда, франк падает. Придешь с товаром, а вернешься без ничего.

— Правильно, правильно,—подтверждают остальные. Положение спасено. Быстрыми ручейками перебегает беседа от пары к паре, сливается в общую—порой чересчур громкую и горячую—беседу.

Комсомольцы об'яняют солдатам махинуации французских министров, их собеседники соглашаются. Может быть, их хитрый и осторожный крестьянский ум не вполне доверяет случайно встреченным на улице мальчуганам, но все же они не могут не согласиться с правильностью мыслей, высказываемых комсомольцами.

В полночь вечер закончен. Осторожно, проверив выходы и входы, солдаты попарно исчезают из кафе в боковые двери,— в лабиринт проходных дворов уходят комсомольцы и их гости, а за ними Дагобер, стесняющийся теперь к одному—к мягкой постели, чтобы заснуть так, как может спать по-настоящему, хорошо, со вкусом лишь сильно утомленный человек.

Ноги сами, как старая привычная извозчичья лошадь, ведут домой, по привычке он поглядывает по сторонам—нет ли слежки. Вот последний переулочек, вот последнее свечетсае кафе, и он у двери, маленькой коричневой двери своего дома. Вдруг залп ругательства.

Худая, скорчившаяся от старости мамаша загордилась вход на лестницу.

— Снова тебя чорт дернул вернуться поздно, убийца моего сердца! И как тебе, бандит проклятый, не стыдно! Вот у Анжелины сын, как сын—и матери помогает, и деньги зарбатывает, а ты с луной на штанах бегаешь, улицы освещешь прорехами. Все мудротаешь, к о м и м у и с т.

«Какой гараик укусил се в носю»,—пожимает плечами Дагобер, слушая телеграфные ругательства старухи.

Но старуха не успокаивается.

— Вот и попрыгал. Сегодня у нас была полиция, обыск сделала, все бумаги захватила. Даже то, что ты под тюфяк запрятал размысла. Еле-еле уверила шпиков, что ты на два дня к сестре уехал.—И вдруг, неожиданно расчужествовавший:—Беги, беги, сынок. Плохо что-то. Посадят тебя в холодную.

Дагобер понял: полиция, обыск, захвачены документы, касающиеся работы среди солдат. В ушах звенит слова матери: «Беги, беги, сынок». Он словно в салагах-скороходах быстро меряют улицы. Знакомые проходные дворя пропускаят через себя и скрывают от невидимого врага. Проходит полчасика, и Дагобер снова на площади Бастилии.

«Куда идти? Конечно, к Луизе. Она научит, она поможет. Луиза живет на улице Змеи—длинной щели между старыми коимилами Сен-Мишеля».

Днем здесь протянуты через всю улицу веревки, на которых сушатся белье, дием тут шумно: все сплетни Парижа пробегают по конейеру почетных языков старых меер через эту шель, соединяющую Сен-Мишель и Сен-Жермен.

Ночь—пустынно, разве какой-нибудь пьяница, запутавшийся в ночных кварталах, отдыхает на панели или в темном углу спит безработный.

Даже шпик и те не заходят сюда. Зачем? Улица Змеи пользуется блестящей репутацией. Тут живут солидные мешаниные семьи, а в ароматных сулах, в оудках с кипящими макаронами микроров конуизма не отыщешь и с микророкопом.

Дагобер не встречает никого на своем пути. Тихонько он поднимается по маленькой патриархально-скрипящей лестнице на второй этаж. Три четких удара в дверь.

— В чем дело? Какому доброму или злому гению я обязана за поздний визит?

Луиза открывает дверь. Она еще не спит. В комнате Дагобер садится на диван и быстро оообщает в чем дело.

— Гм... плохо,—начает головой Луиза.—Дело пахнет провалом.

Ее красивая остроженная а-ля-гарсон головка мрачно покачивалась взад и вперед. Брови свинуты.

Дагобер устал. Он чувствует усталость, наливающую свингом его ноги, руки, голову. Он рад, что, наконец, ему

можно не заботиться о себе. Луиза решит все, а он теперь может спокойно отдохнуть. Белье, завтра снова надо будет куда-то бежать, куда-то торопиться.

— Я пойду к секретарю остромуго комитета,—предлагает Луиза.—Посоветуюсь с ним, а ты пока ложись на диван и спи.

Дагобер не ставляет себя вторично просить. Голова сама склоняется на спинку жесткого колотщегося конюким волосом дивана. Сивью он ои ои ои скрипит двери и понимает, что Луиза уходит, а дальше... дальше шуршат какие-то далекие поля, не слышавшие еще свистков паровоза,—плывут утомленные мысли в светлых, зеркальных водах она.

Стук в дверь. Дагобер вскакил. Сон исчез. В комнату вбегает Луиза.

— Ну и комедия,—кричит она, бросая пальто на кресло.—Выхожу я от секретаря, а за мной флик, прямо как лгавая собака за перелешкой. Я в митро, флик в митро, я в трамвай, флик в трамвай. Тут дождь стает накрапывать—я шмыг в женскую уборную около Пляс и Опера и моментально высказываю с другой стороны, а бедный финишка остался ждать под дождем.—И, быстро согная улыбку о губ,—Сейчас придет секретарь партона, он поговорит с тобой и решит твою судьбу.

Не проходит и получаса, как Дагоберу кажется, что шерь уменьшалась, так как в нее, пригисая огромную лохматую голову, входит секретарь партона т. Любе, прозванный товарищами лохматым гигантом.

Огромными шагами (каждый взмах—полтора метра) Любе проглатывает маленькое расстояние, отделяющее его от Дагобера.

Он садится рядом с ним. Старенький диван скрипит, приделанный длинным телом вошедшего.

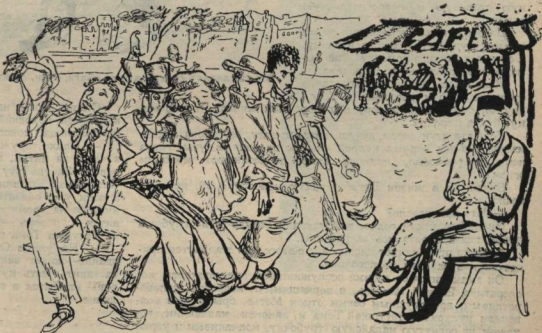
Дагобер с радостью пожимает руку секретаря. Но, увы, секретарь не улыбается. Широкое лицо кажется твердым, словно сделанным из мрамора. Глаза колотятся, брови опустились на same веки.

— Итак, голубчик, провалился? Свиństwo, свиństwo,—гремят откуда-то с высоты голос секретаря,—не уметь как следует закрывать партийные документы.

Дагобер краснеет. Неприятная теплота заливает щеки и шею. «Что отвечать? Винаов, действительно глупо прыгать партийные документы под тюфяк, но он не ожидал этого. Он всего лишь только вчера принес эти проклятые бумажки к себе на квартиру, вечером хотел почитать, ну и...»

Но Любе не нужны оправдания. Каменные черты лица смягчаются, глаза перестают колотиться.

— Итак, я надеюсь, ты понял свою ошибку, повторить проповедь не надо, правда? Да к тому же я и сам этим делом заниматься не люблю. Ну, а теперь куда прикажете тебя-то деть, милый человек? Перевести в другой город—вряд ли целесообразно: там легче засыпаться... Я решил так: ты пойдешь на спокойную работу, поступишь продавцом в один из наших рабочих кооперативов. Нам рабочая кооперация нужна, главным образом, для непосредственной помощи трудящимся. Надо быстрее вырвать наших металлистов и коммюнистов из кабалы лавочников. Словом, так: получай деньги, получай фальшивый паспорт, а также и это письмо от профсоюза и командируйся в рабочий кооператив Монружа. Работай честно,

... Неряшливые поэты, заполняющие скамейки, неумножно лугают китайские орешки.

энергично, поглядывая, чтобы кто-нибудь не спровоцировал нашу кооперацию, и языком не трепать. Ты только безразличный беспартийный и не больше. Никому, даже коммунистам — ни гу-гу.

Дагобер почти обиден: заковылять в какой-то кооператив, развешивать какао и сахар — неприятная перспектива для комсомольца-активиста.

Но возражать бесполезно. Дагобер знает характер секретаря. Он мрачно пожимает массивную волосатую руку и, захватив деньги, паспорт и путевку, выходит на бульвар Сен-Мишель.

II

Маленькая старушка в потертой серой шляпе-кастрюле, продающая орехи на бульваре Монпарнас, напрасно пытается даковать молодого человека, пересекающего бульвар.

Напрасно она обижает пешехода, что китайские орешки являются изысканнейшим блюдом повара и художников, напрасно уговаривает купить турчюк. Дагобер не обращает на нее внимания, Дагобер стремится в центр Монжука, в парк Монсури, в районе которого помещается кооператив.

Как истый парижанин, он редко находил раньше в чужие кварталы и потому с интересом поглядывает на странных обитателей Парнаса.

Волосатые художники привезениями странствуют под зеленым потоком деревьев, ирригивные потоки, заполняющие скамейки, иезутомиче лугает китайские орешки.

Монпарнас остался позади. На углу улицы Пор Руалье — лавка старьевщика. Отставив свой старый костюм козину лавки, он взамен покупает потертые, почти веркальные броуки, вечные воротнички из палье-маше, помнящие вероятно иезуство третьей империи, и, наконец, зеленого цвета костюм, томе повидомому пролезавший не один год в лавке.

Теперь ни один шпик его не узнает.

Вот и барак, в котором помещается кооператив. Тут во время войны жили равные, угощаемые по субботам какао и молитвой ордена Спасения.

Позже барак был передан русским-врангелевцам, а теперь попал к коммунистам, превратившим убежище господ офицеров в общественную столовую и потребительскую лавку.

Дагобер лихо перескочил через четыре ступеньки и вошел в лавку, а оттуда в заднюю комнату, где помещалось правление кооператива.

Маленькая комната, поперек стола, за столом девушка в белой блузке, опустившая голову над огромной книгой, повидимому, бухгалтерской.

Улыбка стук двери, девушка вздрагивает, ее голова поднимается, из-под черных кудрей улыбаются тонкие губы, глаза немного раскоме, немного злые, поблескивая молодым огнем.

Видал ли в жизни Дагобер такую красотку? Ой, нет, конечно, нет.

— Что вам угодно?
Низкий женский голос, вылетающий откуда-то из глубины груди, глаза спрятались за ресницами.

Дагобер прод'являет письмо и... с этого дня становится приквасником в рабочем кооперативе.

Он знакомится со своими сослуживцами, председателем кооператива Еленой Мишель, с ворчащим, по-мелвекски неповоротливым, добродушным селям отцом Мотье, бравяущей колением кухаркой — тегушкой Тома и, наконец, маленьким, пожимом на согнутую малахую трубочку, молчаливым и угрюмым масэром — комсомольцем Марке.

Дагоберу придется развешивать несметное количество продуктов. Вначале он ошибается, вначале перем тем, как отрезать ломти колбасы он вволюгано оглядывается по сторонам, как бы ища помощи, потом быстро втягивается в работу, научившись измерять на глаз самые разнообразные продукты.

III

Дагобер живет в маленькой комнате-мансарде, помещающейся рядом с мансардами Елены и Марке на верхнем этаже густо населенного шестизатанника, у подшофы которого приоткрылся игрушечным домиком кооператив.

Каждое утро, когда бледные лучи солнца неуверенно проползают в окно, он спешит в лавку.

Тут, жално выхвач странное соединение запахов и ароматов, он начинает танцовать в сутолоке кооператива, прыгая от одной сточки к другой, жонглируя колбасами и окороками, угощая одновременно десятку покупателей.

Во время работы он успевае обменяться множеством веселых фраз с крепко-сложными, неповоротливыми металлитами, как бы воплощающимися в себе монументальную массивность чугуных глыб, маленькими, юркими кожевниками и болтливыми хозяйками-старушками.

Дагобер смился с кооперативом, он уже понимает, что кооператив не только лавка, но и своеобразный рабочий клуб квартала, что тут он не меньше, чем где-нибудь в другом месте, может быть полезен делу.

Впрочем, одновременно с увлечением новой работой Дагобером овладевает и другое чувство.

Дагобер влюбляется.

Как это началось, он не помнит. Но вышло так, что всякий раз, когда Елена Мишель появляется в магазине, Дагобер с удовольствием подолгу рассматривает ее тонкое сердитое лицо. Когда же она уходит на улицу, он подолгу следит за дверью, ожидая ее возвращения.

А так как Дагобер не умеет быть попольщиком своих чувств, то скоро весь кооператив узнает о переживаниях комсомольца, и все товарищи начинают подтрунивать над ним.

Но Елена не обращает внимания на неуверенные сигналы, посылаемые из черных зрачков. Она не хочет замечать чрезмерно сильные пожатия руки ее нового товарища. Она относится к нему, как ко всем другим, награждая его одинаковыми с остальными сотрудниками кооператива порциями улыбок и разговоров.

Это равнодушие выводит Дагобера из себя, а улыбки сослуживцев заставляют его то и дело краснеть.

Старик Мотье не раз подходил к Дагоберу своей переваливающей походкой и, нежно обня корявыми ручницами плечи комсомольца, конфиденциально говорил ему:

— Плохо, дружок, плохо. Живот без шерсти. Бога кушать хочется за пятки, глядя на тебя. В бисквит дешевой превратился! Забудь эту девушку. Мало ли красоток в Париже. Она у нас деревянная. С лягушечей кровью в жилах. Но, а соли уже обязательно хочешь завосать ее сердце, так выкинь ее во время из головы. Сделай вид, что она тебе не нравится и, поверь, — сама придет.

Тегушка Тома предлагает другое средство.
— На улице Старой Голубятины, — говорило это доброе создание — живет великая гадалка. Погадает, ползлет в лицо, заставит есть кусочек поджаренного козачьего кала, и, поверь, влюбится в тебя наша Елена. Пойди к ней, поиди к гадалке.

(Продолжение следует)

В ушах звенят слова матери: «Беги, беги, сынок».

РОМАНТИКА МОЛОДОСТИ

БОРИС ГРОССМАН

Николай Богданов.

ВОКРУГ «Первой девушки» Николая Богданова разгорелись споры—в рабочих клубах Москвы, в печати. О ней пишут, книгу и автора хвалят и ругают. Все это доказывает, что «Первая девушка» актуальна, что повесть, созданная Богдановым, «хватает за живое».

На диспуте в клубе «Красный Октябрь» (кондитерской фабрики) не было Сергея Алексина, не воскресла и Саяна Ермакова, но их сулили. И не только их—сулили себя, занявшись самокритикой. От богдановской «романтической истории», от Сани и Алексина перешли к себе, к сегодняшнему дню. Были слышны такие «всприятия»: «...Если она кидается, бросается на шею,—я не камень, я не устою (т. Дранов). Другую точку зрения изложила, например, т. Ерошкина: «Девочка сразу на шею к тебе не полезет, а вот ты прижмешься к ней раз другой—так что ж она не человек?»

Все это доказывает, что читатели вникли в персонажах Богданова живые волюнтерские образы, что молодежь хочет найти в «Первой девушке» ответы на вопросы сегодняшнего дня.

Все в «Первой девушке» овеяно романтикой—как приход Сани в ячею, так и трагическая развязка. Ведь, нет ничего легче, как послать Ермакову на расфак, заставить ее подниматься без всяких колебаний по ступенькам общественной лестницы. Образованная комсомолка Саяна, однако, испугалась. Но почему? Ведь именно она налаживала работу комсомольцев, воздвигала других, искренне видела недостатки, призвала к большевистской стойкости! Однако, внутренние причины, имеющие определенное социальное обоснование, воспретивствовали ее продвижению вперед. Молодая деревенская девушка, взвизгнувшая Октябрьем, попала в горды, и тут началось ее личное «разложение». Развитие событий неуклонно приводит ее к тому концу. Саяна не знала старой семьи и никак не была связана с консервативными условиями брака. Она знала, что коммунистка не должна быть мешанкой. Но

ей неоткуда было почерпнуть настоящую пролетарскую этику в области личной жизни, ибо такой этики не было. В среде, окружавшей Саяну, как мешанство, квалифицировалась невинность и семья. Совершенно естественно, что именно в первые годы революции част молелени, чуждая старому, не во всем познавшая новое, решила, что упрощенный подход к серьезным вопросам—подход пролетарский. Примитив ясен: «Если не захочет удовлетворить тебя одна, ищи другую: не все ли равно—Маша или Даша удовлетворит твою влечение? Таким образом, мужчина и женщина не наложат друг на друга пут любви, шепет совминой жизни—она останутся сподобными и отпадут себя служению обществу. Не одна Саяна искренно верила этой теории,—и другие ответственные работники уезда (Потыч) были ее проповедниками. Все они шли к пролетарской этике ошупью и ошупью же к ошибкам.

А выстрел Алексина—оправдан ли автором этот романтический финал?

Вообще. Рассказчик Алексин дан навивном романтиком, свито охраняющим честь первой девушки. Чтобы не дискредитировать организацию, Потычю находит один выход—исключить Ермакову, Алексин понимает: исключение для Ермаковой—ее полная духовная гибель. Из любви к Саяне он принимает решение. Какой еще выход может найти Алексин? Впрочем, другой выход найди нетрудно, но найденный выход закономерно вытекает из данной ситуации: «Окончательно, значит, нет исхода—спросил я и чувствую, голос у меня осекает.»

— Нет, — сказал Потычю,—умываю руки.

— Прощай,—крикнул я ему,—хороший ты, но и сволочь ты, человек как человек, а я думаю—ты лучше!

Он рванулся за мной с каким-то словом, с оправданием ли, но я захлопнул дверь и с решением, обжегшим меня с ног до головы, добежал домой.

«Самое правильное это, самое верное, а иначе какую будет ячеюшка Саяна, ну ково всему комсомолу, да и самой Саяничке. Лучше не приумещешь. Бежал я мимо школы, заглянул: окружающая девчатами, играет она как ни в чем не бывало на рояле, не знает ничего. Как хорошо!»

И далее, ведь, выясняется, что гибель Сани произошла не от необходимости, не от «рока», а от неуязвимости.

«Зачем же теперь написал я об этом? Зачем бессонными ночами, когда порванная сосиской нога не дает мне покоя, исписал остлю страны, сам вскрыл вопрос, на который набросил такую тайну?»

«А затем, чтобы прочла моя ячеюка и поняла, что не виноват я и не виновата Саяна. А больше всего хочу я, чтоб ребята остерсней и внимательней отнслись к девушкам, а девушки сами к себе...» Дело, однако, не только в «благих намерениях»—вся повесть проникнута революционным оптимизмом.

Некоторые читатели и критики забывают о том, что рассказ ведется от лица Алексина, а не автора. Между тем критический подход к «Первой девушке» дол-

жен быть таков: удалось ли Богданову показать рассказчика Алексина, правдоподобен ли этот образ и соответствует ли рассказ типу Алексина? На этот вопрос надо ответить утвердительно. И язык, и действия Алексина, и описания поступков других персонажей «увязаны» с образом рассказчика. Алексин—романтик, он навивен, он любит Саяну и потому говорит о ней: «буто было это не обыкновенная сельская девушка, а сама революция, каких рисуют в красной мантии, только маленькая, уездного масштаба, чудесно явившаяся к нам». Если бы эти слова вельсь от лица автора, мы прямо должны были бы сказать: плохо, шаблонно! Алексин же, превращающийся достоинством девушки, интуитивно «необыкновенных» сравнений мог так сказать. Богданов почувствовал стиль своего персонажа, поэтому нет разрыва между авторским замыслом и выполнением. Разрыва нет в основном. Иногда же автор срывается и вкладывает в уста Алексина фразы, не вяжущиеся с типом рассказчика, и Алексин начинает говорить слишком гладко, мыслить наудачными образами, иногда же чересчур нескладно.

Мы не имеем возможности подробно проанализировать составные части «романтической истории». Но и сказанного достаточно, чтобы утверждать: «Первая девушка» Николая Богданова—актуальное и серьезное художественное произведение. Оно овеяно романтикой молодости, романтической революционного миманутерждения. Споры о Саяне, ее поведении и судьбе обясняются тем, что половая проблема, затронутая Богдановым, дана на противоположном фоне человеческих взаимоотношений. Причина же из «янов киности (стилистические срывы, публицистичность «приложениия») в недостаточном мастерстве молодого писателя. Талантливый художник молодежи, если он не остановится на первом достижении, придет и к высокому мастерству.

Одновременно с этим номером нашим годовым подпичником высылается эта книга как бесплатное приложение

В СИЛУ некоторых обстоятельств, собрание граждан Черныя состоялось не в риге, как это предполагалось вначале, а около избы председателя сельсовета Шалавина.

Председательствовал Шалавин, без выбора, по назначению. Речь держал к гражданам Мордаплюев, Филипп Петрович. Собрание было на этот раз чрезвычайно многолюдно, ибо наряженная агитация монашек Тихвинского монастыря, ныне приходской церкви, и самой итуменья Фроны взбудоражила Черныяку от малых детей до дряхлых стариков и старух, так что народ валом привалил к избе Шалавина. Кизляков приступовал за столом, обдумывая про себя меткие выражения, тоже готовился к речи. Не постеснялись и без приглашения припожаловали на это собрание и партийцы—Шевяков, Василий Голубков, Иван Кузнецов и комсомольцы.

Шевяков побрелся вперед, ближе к столу президиума. Когда Мордаплюев хотел, было, приступить к речи, Шевяков обратился к Шалавину:

— Подвиньтесь немного! Не ожидав и не предвидев такого приема и маневра партийцев, Шалавин растерялся на минуту и не знал, что надо ответить. Оправившись он грубо запротестовал: — Это не партийное собрание, а гражданское... Мы вас не можем ввести в президиум.

Не желая осориться, Шевяков вежливо, даже улыбаясь в борюду, возразил:

— Скажите, а кто вас выбирал?

Шалавин, еще больше раздраженный, замаялся и шопотком обратился к Мордаплюеву:

— Как вы, Филипп Петрович, смотрите на комитательство Шевякова?

— Ась,—отозвался Мордаплюев и зачалди угарными глазами на Шевякова.—Чего вы требуете?

Шевяков раз'яснил. Мордаплюев замаяхал руками; его морщинастое лицо с синей борюдой взвнурилось, затряслось в неопределенном возмущении.

Чем бы и как этот спор закончился, ежели бы не вмешался Шлемий Голубков, трудно сказать. Возвышаясь зеленоватым цветом из толпы, он протиснулся в середину собравшихся и зычно выкрикнул—выкрикнул, как будто он был не в толпе, а затерялся одиноко в горах:

- Предлагаю выбрать председателя!
- Толпа загудела, точно глухой отдаленный гром. Всколыхнулись и зашумели даже самые отдаленные группы, переливаясь цветами пиджаков, рубаш и платков.
- Правильно! Долой загробал!
- А, вы в коммунисту захотели, добрыди!
- Люди колны возят, а мы в собрании балауемся.
- Что и говорить.
- Какой их дьявол, будь он проклят, придумал эти собрания!
- Сеять надо, а тут...
- Вель, мы же вчера решили, что тракторами обрабатывать, а нынче опять... Кому невыгодно—кайтесь от нас сжигом сабаки под поделю! Вот черт-то!
- Глотам невыгодно, вот и колготятся!
- Я про это самое и говорю!
- Как же им не бунзить: бедняки-то, как налим, из-под их лап ускользают, вот они и распинаются!
- Они нас кормят,—взвизгнула с надрывом пожилая сухопарая женщина и злобно набросилась на Голубкова.—Что нам дала коммуна-то ваша? Шниц с маслом!

— Верно бачишь!—засвидетельствовал Москалев о себе и вывернулся вперед. — Евстигий Максимыч подперены кормил нынче, а вы...—И он бешено подкочил к Голубкову и, размакая руками, напирал на него.—Ежели бы не Евстигий Максимыч, переделки бы, как зайдя.

— Верно! Дай ему же здоровья!

Грдя елажной борюдой, вскинутой кверху, Москалев быстро повертывался, размакаяв руками. Его отстрили, оттащивали от себя, а он все напирал, все насажал, стараясь доказать, что Евстигий Максимыч кормил и поил бедняков, а раз так, то за такого благодетеля надо вечно бого молиться, а не тожко ругать. Голубков, чтоб отвязаться от него, рассерженно схватил Москалева за руки и, прижимая их к его бокам, подпаял его кверху и, повертывая в воздухе над толпой прекричал:

— Граждане, посмотрите на беднячка! Оглушительный хохот, подобно обвалу скалы, оборвал Голубкова.

— А ты поверни! Поверни!

Рыная борюденка Москалева, освещенная закатом, полыхала мутным огоньком, да и сам он казался не в коричневом пиджаке, а как будто в розовом. Сдавленный могучими руками Голубкова, он болтал ногами, стараясь выскользнуть из рук Голубкову, но от этого сделать не мог, так как ноги были коротки и не доставали ровно на четверть до груди. Голубков, показывая его собранию, заглушая своим голоом хохот и шум собравшихся, выкрикивал:

— Граждане, он не только землю за окорок ветчины заложил Кизлякову, но он продал и всего себя! — Что же поделаешь, раз он любит спяноко поество, — осушествено выкрикнул позвизлой мужик и обратился к Голубкову:—Василий, отпусти его. Вырвавшись из об'ятий Голубкова, Москалев надвинул глубже на глаза картуз и затерялся в толпе. Пола толпа развелася над Москалевым, спорила и гадала, за столом президиума занял место и Шевяков.

Всматриваясь в собравшихся мужиков, Кизляков сразу учел положение, сразу подпочтал голоса, не улуская женщины, а также и девушек... Остановившись на девушках, Кизляков задумался, вспоминая дочь свою Настю.

«Она голонсула бы против отца... А эти разве не пойдут против своих отцов и матерей? Пойдут...—И он с ненавистью посмотрел на тшедущую фигуру Мордаплюева.—А ну, вези один, черт с тобой! Вот ты дачева выразил про Москалева, что он Иуда, что он предаст и продаст... Не спорю, Мордаплюев, не спорю! Вон твой отпрыск не предаст тебе?—И Кизляков остановился на вьнуке Мордаплюева.—От гнилой корня и отпрыск гнилой. Эх, Мишка, Мишка, подперны дела, а то он с треском протлит нынче!—И он положил голову на руку, облокотился на стол, прислушиваясь к визгливой речи Мордаплюева и созерая нежный, как парное молоко, горизонт неба.

Под горизонтом, за темными, но такими стройными полями, розовыми с той стороны, обращенной к закату, раскинулись поля. Вглядываясь в их пустынность, Кизляков знал, что туда вместе с нынешним днем закатывался старый мир Черныя.

Шалавин... шопотком обратился к Мордаплюеву.

Толпа рванулась в разные стороны.

«Постой... постой... разве земля погибнет... Нет, нет, что-то не так! Совсем не так! Земля будет все так же прекрасна! Все так же будет ласкать ее солнце, а она будет улаживать людей и зверей своими красотами!»—Тут Кизляков резко выпрямился, схватился рукой за голову.—«Нет, нет, и это не так! Будет вот как, будет так, как выразился на одном собрании Володька. А выразился он, мерзавец, хорошо: «Придут к нам,—сказал он,—42 трактора со всеми подобными машинами, вырежут другие дороги, а старые запашут навсегда, чтоб люди про них позабыли, затем заедут на поля и почнут и почнут их поднимать под ряд, но считаясь ни с кем, ни с кем, ни с кем. Что же, может быть, и верно! Ах ты, сукин сын, Володька! Сопляк!»—И Кизляков грубо передразнил его:—«И поедете вы, граждане-товарищи, по этим другим дорогам к новой жизни»,—Кизляков выдохнул и нахмурился.

«А за дочкой-то кулака-миродея все-таки ухлестывашь,—неожиданно заключил он.—Ах ты, полдец, и больше никто! Ах ты, сукин сын, и больше ничего! А где он?—И Кизляков стал всматриваться в мглу вечера, старался отыскать Володьку.—Не пришел, негодяй! А возможно прикрунулся за мужиками? Нет, ядкое шило разве бы усидело на месте! Да и Харина нет. Удивительно! Что ж, хотя в душе и трешина, но повосоме, подеремся, схватимся в этой схватке. А вдруг... Что вдруг? Поседа?—И Кизляков прислушался.—Поседа, Мордальцов! Ну, пой! И вырежут тракторы другие дороги... И не будет у нас больше кулаков и бедняков...—отрывисто кружились в голове Кизлякова слова Володьки.

Мордальцов ораторствовал:
—Граждане-братья, ничего-то из тракторной колонны не выйдет, в этом уж поверьте мне, старуку, и я прямо скажу вам—полный обман, даме больше—лушунка! Вот видите, хлеб на базаре четыре рубля с полтиной, а почему берет у вас советская власть? Ась! Это правда, братья, и мы, зная на шкуру svoju эту правду, не ведем хлеб советам, а они у нас его отбирают, а кто причет—сажают в тюрьму... Разве это закон? Ась!—Ересь! Мы хлеб сдаем по совести... У нас не отбирает... Гул. Шум. Голоса.

—Что и говорить!

—Верно, Филипп Петрович! Прямо в точку бьешь! Жарь, Мордальцов, не стесняйся!... Подержи!

—Ась!—вскрикивал визгливо в таких случаях Мордальцов.—А раз мы, братья, не даем по такой цене хлеба, так вот и норовят затереть в коммунию, связать договором и другими там разными узами... Ась. Мы должны сегодня наотрез отказаться, разорвать вчерашний приговор. А если мы приговор оставим в силе, не проголосуем его, то в будущем году мы останемся без хлеба, а колонна уберет его и отправит в горы, а нас посадит на паек,—вон уж котел-то для нас припасен. Они только опсера, чтоб замануть нас, лют, так славно... Ась.

Тут бабы подняли отчаянный крик, напярив на мужиков; некоторые, приседая к земле и раздувая без того широкие

юбки, выбегали на середину собрания и, подражая гусями, вытигивали головы и, стараясь зашептать за бороды, принимались отчитывать Шевякова, Харина, Голубкова, а больше всего слух мужей, приложивших свои руки вчера под приговором. Отворачиваясь и пятясь от баб, мужья неохотно возвращались.

Шалавын, понимая, что этот протест не бесполозен, умилительно предоставлял бабам свободу, чтоб они вволю накричали и как можно сильнее расстрожили своих мужей. Он призвал баб к порядку тогда, когда им уж самим надоело кричать. Теряя козлиную бородку, Мордальцов позивал:

—Да-да!.. Ась! Обязательно закрубят хлебушко... Ась! Так-то вот, братья-граждане, берегитесь обман!... Поверьте совести старика!..

—А ты совесть-то, старый чорт, побереги для себя!—раздался рассерженный голос из толпы.

Мордальцов старался ослабить громкий голос, хрипло с неким раздражением закончил:

—Ась! Что? А я разве предлагаю вам, Наумов, совесть свою? Я жалечко предупредил Чернявку, чтоб она не попала в колонну, в которой коммуны уж давно для нее припасли сенок. Ась! Да-да, это верно, поверьте это так и обудется. Вот тогда-то Чернявка и вспомнит старика, выскажется: «Правду, мол, Мордальцов говорил нам, да мы, дураки, не послушали!» Так вот и скажете, покаместе себя.—И Мордальцов, отлевываясь, махнул рукой и, не торопясь, опустился на скамейку, что-то все еще бороча себе под нос.

Мордальцов наградили продолжительными рукоплесканиями. Он двинулся к толпе и зашептал бесшумно вечером.

Чтоб не испортить настроение, сложившееся после мордальцовских речей, а главное чтоб избежать от выступления Шевякова, Шалавын торопливо объявил:

—Слово предлагаете последнему оратору...

И, вытирая рукавом пиджака вспотевшее мажорное лицо, обросшее черной бородкой, обратился к Кизлякову:

—Евстигий Максимыч.

Кизляков торопливо приподнялся, оперя руками на стол, прокашлялся и протяжно воскликнул:

—Граждане, наш день догорел, его предзакатный свет едва дронит на кресте Тихвинского монастыря, а мы собрались вот сюда, наслаждаемся его сумраком, его предсмертным судорожьем. Я говорю вам, что день умирает и никогда не вернется к нам Чернявка. Заломите—никогда! Вместо него придет новый день, день страшный, день безрассветного гора и страдания. Но плач наш будет бесполозен и никому не нужен, ибо жизнь эта, последние минуты которой мы вот сейчас доживаем, никогда, повторю, не вернется к нам. Завтра на поля, которые мы любовно своими мозолистыми руками обрабатывали, придут железные чудовища, начнут их взрывать и будут оквернять не только наш благородный, многолетний труд, но труд и наших отцов, дедов и прадедов... Вы понимаете, что это значит, а? Труд дедов, и прадедов...

—Понимаем! Как, батюшка, не понять!—трагично взвизгивали несколько баб.

Мужики тяжело сопели, возлились:

—Вот это речет, сукин сын!

—Чай, не зря в семинарии на попа учился.

—Ему только бы попом быть!

—Что ж, он и может. Говорят, сам не захотел в молодости... в купцы подался.

—Он не только баб, сатана, промывает...

—... Железные чудовища перевернут в заветных мотылах праведные кости наших отцов и дедов...—все такти иступленно продолжал Кизляков.

—Так вот, дорогие граждане,—выпрямляясь и отрываясь от стола, выкрикнул Кизляков, подняв глаза на огорчившихся женщин, старух и мужиков.—Так вот...

Но тут нагрянули сразу два события неожиданные и неприданные, оборвавшие пламенную баталью Кизлякова.

... Медленно направился к юстиарию, пошатываясь и сутулясь.

(Окончание на 3 стр. обложки)

... Медленно направился к юстиарию, пошатываясь и сутулясь.

УХВАТ В ДЕЙСТВИИ

Очерк ЕЛЕНЫ КАРТЕЛИ

«Нянька поневоле». Равняется, как может; и по-росенку и бутылкой из-под «хлебного».

УХВАТ, ПРИМУС, КУХНЯ

Жужжит примус, как надослившая осенняя муха. Булькает в кастрюле суп, по всей квартире разносится аромат капусты. На окне (там похолодней)—кусочек мяса, бутылка молока и масло в чашке с отбитой ручкой. На столе—нечищенная картошка и книга «Экономическая политика советской власти». В книге прочитана всего одна страница—в руках кухонной няньки.

—П-ш-ш-ш...—зияющий суп выплеснулся из-под крышки, и голубая коронка примуса погасла. Летит в сторону нож и книга, заново разжигается примус, и внимание делится уже на три части—между примусом, картошкой и «экономполитикой».

В результате: суп выкипает, картошка вычищена только наполовину, порезан галеч, а прочитанная страница никак не укладывается в голове.

Потом приходит муж и продолжение следует:

—Опять нет обеда? Да что это за жизнь промаялась, весь день мотаешься, приходишь усталый, голод-

В некоторых жилищных товариществах семьи рабочих переходят к приготовлению пищи на коммунальных началах.

ный, как пес, а дома тоже отдыха нет. Каторма, а не существование.

— Но я тоже была на работе...

— На работе! А когда с завода ушла? Да я после работы два доклада успел сделать, а ты даже суп не сварила.

— Мне нужно было к завтрашнему занятию подготовиться...

— Важное дело—твои занятия. Я не для того женился, чтобы по столовкам бегать. Моношь и не ходит на занятия.

На другой день нужно незаметно уйти из мастерской для того, чтобы не остановили агитпроп цеха или секретарь кружка. Пока муж «приобщается к политическим наукам»—надо забжать на рынок, купить продукты, убрать комнату и приготовить обед. Вечером мир и тишина. Муж с жадностью проглатывает суп, хвалит кулинарные способности своей подруги, а потом, в знак особого благоволения, идет о ней в кино.

Через некоторое время ее вызывают на бюро.

— Ты пропускаешь занятия кружка.

— Но я не успеваю,—я должна вести хозяйство.

— Это не отговора, муж может и в столовой побойаться.

Если зыбка сумеет повлиять на мужа, раз'яснит ему, что комсомолка-жена не должна из-за кухни отрываться от работы, сможет убедить его в том, что попор комсомольцу быть померхой меланью жены учиться и работать, то все кончается благополучно. После работы оба бегут в столовую и оба имеют возможность участвовать в общественной жизни. Но так бывает довольно редко.

Чаще зыбка ограничивается выговором или предупреждением комсомолом. Второй выговор отрыва-муж—остается в стороне и продолжает требовать домашнего уюта.

Результат—кимовский значок очень скоро вытаскивается в подушку для булавок, ухват торжествует победу.

Своей победе ухват в достаточной мере бывает обязан плохо поставленному общественному питанию. Если столовка далеко от завода, если обед в ней порог и невкусен, а для того, чтобы получить его нужно час ждать своей очереди—победа ухвата обеспечена. Плохая столовка—главный союзник примуса и кухни. Плохая столовка часто решает борьбу ухвата и зыбки.

Но если в больших промышленных городах вопрос этот кое-как разрешается, то в провинции дело обстоит много хуже.

Для примера возьмем Малую Вишеру. Здесь нет ни одной столовой. Единственные пристанище для тех, кто не имеет возможности стряпать дома, буфет на станции. Но мало кому захочется после восьми часов работы окунуться в шумную вокзальную столовую.

Создать столовку там, где ее нет, сделать ее хорошей там, где она плохая—одна из наших задач. Мы к этой задаче зачастую относимся очень поверхностно. Комсомольцы неохотно идут работать в кооперацию, слишком мелкими и ничтожными кажутся им вопросы соседней кооперативной лавки или заводской столовой.

— Пусть там орудуят прикрепленные домохозяйки. У нас масштабы много шире.

Ухват, кухня, примус—атрибуты старого быта. Они стоят на пути женщин-общественниц, как трудные преодолеваемые барьеры, которые не возьмешь в одиночку.

КОРЫТО И ПЕЛЕНКИ

Когда в комсомольской семье родится ребенок, то рядом с ухватом в кухне появляется корыто, а в углу протягивается веревка для сушки белья. К работам о стирке прибавляется другая, во много раз более сильная, работа о малыше.

Комсомолка-мать задолго до родов начинает ходить в консультацию, читать популярные брошюры

и готовиться к гигиеническому поколению. Слова о звороте быстро и правильно. Интересы связаны с личными интересами: видеть своего ребенка приспособленным к будущей...

Но вот, наконец, ребенок советами врачей, возвращаясь в свою квартиру. Первый месячный декретный отпуск, пока муш ответственность новой роли, роли них работах—все обстоит благозвонно отцовского чувства, бить отравляется на фабрику матери и ребенка складывает. На собрании комсомола гравской фабрики «Советская» много говорили и о судьбе ее самки.

— Что будешь делать, если хорошо, днем он в яслях, а по итти на собрание, в кружок, и малыша? Одного в запертой в вечером дома, пропускаешь книгу, постепенно скатываешься. А в коллективе потом скажлемо позорное станют. Но улю возможность не отворачивать многие.

То, что общественность зид для жены, муша-комсомолка.

— Вот и отрывашься, делавательницей—говорят комоско сколько лет и какое я смогу ребенку, когда ему нужен бучесный уход? Забудешь ту, отойдешь от всех новых вопитишь в такую же безответную какими были наши матери.

— Нам говорят: оба работзвать. А разве нянька—это рапервых, в няньки идут или чонки или выжившие из ума слид на поление ребенка, никто. Каждый день, когда семизш не умерила ли такая нянька

Учит сестренку. С детства должна ботать на се

ду воспитанию будущего
ной смене усваиваются
сы общества неразрывно
ми матери,—каждой хо-
а сильным, здоровым,
трудолюбивым.
к родился. Напутству-
ается мать из больницы
ся, пока продолжается
ж, проинкнутый ответ-
отца, помогает в домаш-
ополучно. Но исчезает
быстро кончается отпуск,
ку, а ребенок... судьба
гда по-разному.
ок-матерей на ленин-
ия звезда комсомолки
воих малышей и о себе

ли у тебя ребенок? Ну,
после пяти, когда нужно
на учебу? Где оставишь
комнате? Ну, и сидишь
собрания, забрасываешь
сь к обывателю.
жут,—она оторвалась,
очему оторвалась, имела
? Этих интересуют не

загромождена, недоступна
а очень мало трогает.
даются постепенно объ-
момолки. — Пройдет не-
дла воспитания своему
удет не только физиче-
чему когда-то учились,
рсов жизни и превра-
ю, неавторитетную мать,

остается, можете и няню
адресе вопроса? Вос-
неопытные молодые де-
слабые старухи. Отлавля-
гда не бываешь спокоен-
ь с работы, думаешь—
а ребенка?

евушка приучается ра-
вилью.

В механической прачечной. Утюжка электрическим утюгом (гладиرون).

На собрании замуних комсомолок центрального
района в Ленинграде тов. Меденникова говорила о
том, что вопрос о няньках вырастает в новый, неои-
данно новый вопрос. Говорила о том, что зачастую
комсомолки повелее сами превращаются в эксплуа-
таторов рабочего класса.

— Мы няnek бесовосовито эксплуатируем. Труд их
очень тяжел—целый день ребенок находится на их
попечении, пока ты на работе, но и вечером ее не
можешь отпустить. Идешь на собрание, в кружок, в театр
а няня перерабатывает много больше своих 8 ча-
сов. Она не имеет возможности отдохнуть, учиться, разви-
ваться политически. Один выход из этого поло-
жения—ясли как дневные, так обязательно и ве-
черние.

ПИСЬМО АНОТЫ Н.

О вечерних яслях говорят все. И те, кто работает
на фабрике, и те, кто участв в вузах, и те, что в тече-
ние дня щелкают на пишущих машинках или на счетах.

Вот письмо:

«Как я могу ра-
ботать в яслях? Ре-
бенку всего пять ме-
сяцев, и хотя днем
я его оставляю в я-
слях, но в 5 часов
должна его оттуда
забрать. Дома мне
его оставляют не с
кем. С родителями,
ты знаешь, я разош-
лась еще, когда всту-
пила в комсомол, и
теперь за помощью
к ним идти не хочу.
Муж сейчас агитпроп
цеха и у него все
вечера заняты, так
что он мне не помо-
гает. Вчера меня вы-
звали на бюро кол-
лектива за непосеще-
ние собраний, дали
сроку один месяц
для исправления. Я
знаю, что испра-
виться не смогу не
только через месяц,
но и через год. Зна-
чит—ни учиться, ни

посещать собрания
не придется. Дру-
гими словами—че-
рез один-два меся-
ца—вылет из ком-
сомола. Тяжело об
том думать, но вы-
хода нет».

Комсомолка Ано-
та Н., написавшая
это письмо, работает
на одной из ленин-
градских текстиль-
ных фабрик. Она на
лучшем счету, как
производительница,
одна из первых на-
чала работать в
ударной бригаде мо-
лодежи, первая из
ватерщиц перешла
на укоренный темп
станка, сумела в
своей мастерской за-
вербовать в бригаду
не только молодых,
но и пожилых своих
товарок. До рожде-
ния ребенка она бы-
ла активной работ-
ником, а теперь—
через 1—2 месяца—
вылет из комсомола.

Если можно иногда путем жертв и глубокой ломки,
реже путем взаимного соглашения, побороть ух-
ват, потушить примус и уйти из кухни, то с ребенком
вопрос стоит много сложнее. Никакие няньки, ника-
кие божьи старушки, которые то суют малышу в ро-
тецеден, то шлепают его за безобидную детскую про-
казу—не разрешат этот вопрос.

Нам нужны меры решительные, в корне ме-
няющие методы воспитания ребенка. Ясли, очаг,
детская комната в доме, общежитие-коммуна для женатых
и замуних,—вот на что нужно обратить внима-
ние. Бросить лучшие силы, изыскать средства, хотя
бы путем сокращения других затрат.

Не только отцы и матери, но и вся молодежь долж-
на принять участие в этой работе.

Объявим коллективно войну старому, отнимаю-
щему у ячеек наших комсомолок!

В детских яслях, содержащихся на средства районного кооператива.

ФОКСОТРОТЧИКИ

Очерк ФЕДОРА МАЛОВА

... долго полощется в ванне...

ЖИВЕТ Витка Потравин в центре, на благоустроенной улице Красных зорь. Солидный обояник из серого гранита своим шарикам под бздом примыкает к окну и внутри оборудован на «барскую ногу»—ванны, умывальные комнаты и передние. В просторной квартире—разноместная мягкая мебель, два гардероба карельской березы, раздвижной дубовый стол и приличная библиотека под красное дерево.

Семья Потравиных небольшая, вся взрослая. Старший брат служит юристом в Совторгфлоте, часто бывает за границей и почти постоянно проживает вне дома. Сестра учится на высших кооперативных курсах, водится с разномышленной учащейся молодежью. Мать, бывшая учительница в начальной школе, управляет домашним хозяйством.

После прихода с работы, Витка долго полощется в ванне, кричит на мать за неаккуратно приготовленное белье и вмиг преобразается из сурового комсомольца-рабочего в сверхающего, слегка надушенного молодого человека с мягкими манерами и изысканностью в костюме.

— Сегодня куда?—спрашивает он ребят, кончая прическу перед трюмо, завершая этим свой туалет.—Не мешало

бы на «Веселую канарейку»...

Как вы это находите, а?

Ребята расселись на мягких стульях и выгладят на фоне непривычной обстановки мешковато и неуклюже.

— Идете в заводской клуб,—предлагает Ванька Игнатовский.—Там сегодня вечер посудавильного цеха.

— А программа не ошлась какакой?..

— Производственное обозрение,—вставляет Сережка Кондаков.—Выступает живая газета.

— Скучища, тоска?—вопросаще поглядывает Витка Потравин на ребят.—Мух ловить только!

— Так куда же?..

— Я уже сказал: иемоте на «Канарейку». Картина, говорят, бесподобная.

— Денег нет,—зашелелись ребята.—И так часто мы по кино таксаем.

— Ну, тогда поедете на фоксрот,—решительно предлагает Потравин, заранее знаящий, что этим и кончится.—Сегодня у Подливановых будут киноартиски после 11-ти. Так танцуют—голова хмелет от удовольствия!

Ребята колеблются и находят, что для фоксрота «с киноартистками» недостаточно прилично одеты. Решают сначала поехать по домам и приодеться получше.

Сережка Кондаков живет в большом новостроенном рабочем доме в районе Лесного, далеко за городом. В квартире было много рабочих и комсомольцев, постоянно собиравшихся у отца Сережки, лиешница.

Приходящих встретили извятительными нахемками. Открытая юрзину с бельем, мать неловко заворчала на сына:

— Бельииник!.. Опять фоксротничать собиравшись! Чисто пионки каковой, право! Не успеваешь тебе сорочку стирать. Потешь что ли сильно в то время?..

— Ты ему подай кожанку, пусть в нее наряжается,—строго сказал отец.—Тюже развлеченье отыскали, а еше комсомольщил!

— Все гуляют, все развлекаются,—мягко закачался на утингах носках Потравин.

— Развлекаются раз в месяц и то досточно, а вы, стрикулисты, только по вечерам, да по фоксротам и шляндаетесь!..

— Ну и что-ж!—воскликнул Витка.—Нынче фоксротитрует весь Ленинград. Месткомы, школы, больницы, научные учреждения—все, все вечера устраивают. Каждый вечер, конечно, фоксротом кончается.

— Мы нелавно считали,—проговорил один рабочий в синей рубашке,—так насчитали 76 вечеров в одном нашем районе. И это только за первую половину зимы.

— Чорт знает, что пошло,—возмутился Сережкин отец.—Вот те и новые формы культработы! Ведь, вечера эти сначала за культработу считали.

— Ну, какая это культработа,—вставил молодой рабочий.—Только от общественных и политических вопросов отлекают нашего брата!

— У металлистов на вечер, говорят, старухи и те фоксрот танцуют,—сказал Ванька Игнатовский.—Сначала был семейный чай, потом фильмешку какую-то провернули, а затем одинули столы и молодежь до 4 часов прыгала. Комсомолки обучали жен рабочих, и смешно было смотреть на них.

— Это был бесподобный вечер,—заордо стовался Потравин.—Я был на нем, очень весело время так провел.

— Ты этим только и занимаешься, пустошом,—сказала мать Сережки.—И нашему ажуркину голову.

— А яежка жалуетса на тебя,—сказал Потравин молодой рабочий,—в общественной работе ты не участвуешь.

— Ничего побобного,—горячо возразил Витка,—ко мне не подпокаешься, аккуратней меня во всей яежке нет.

Рабочий неудержимою закачал головой. Остальные заговорили, что ребята-фоксротнички расплясаются и следует взять их в жесткие рукавицы. Приходится хлопотать чаще со стиркой, глаженем, денгики уходит на музыку, фрукты и напитки. Ночная усталость сказывается днем на работе, ребята являются на завод вялыми, сонными и изнуренными. Об обязанности к общественной работе и говорить не приходится. Зачастую клубы пустуют.

***

В цехе Витка Потравин считается лучшим слесарем. За два года у него не было ни одного прогула, ни одного опоздания на работу, членские взносы аккуратно уплачиваются им по всем общественным и добровольным организациям. Когда завод организует какой-либо «час» сверх рабочего дня, то яежка видит Потравина в числе самых первых. Вместе со всеми выходит он на матч, участвует в спартакиадах на районных стадионах и катается на местном катере по Неве. Одним словом, его можно встретить на любом веселом собрании, вечере, пикнике, и никто не посмеет упрекнуть его в отлынивании и увертках от организованных массовых развлечений.

И тем не менее, в яежке говорят о Потравине с явным недоброемательством.

— Какой он комсомолец, если веселится заодно со всеми, а в повседневную будничную работу заглядывает только по нашей указке.

— Он выполняет задания всегда аккуратно,—защищают его некоторые.—Полади других его не видели пока нигде!

— Правда, он выполняет всегда без всякого отнесивания, но его нужно тыкать носом в каждое дело. А от комсомольца больше требуется.

...в миг превращается в сверхающего, слегка надушенного молодого человека.

Сегодня вечером у Поддивановых... после одиннадцати.

— Он не секретарь или организатор, о него больше и спрашивать не приходится.

— Это и значит, что он лакированный комсомолец.

— Ничего подобного! Просто он культурный парень, и ему невыносима зеленая скука в нашей работе.

— Если общественная работа для него скучна, значит нужно оживить ее. Над этим и он должен стараться. А ему поручить—сделает, не поручить—он и не спросит другой работы.

— Нужно давать поручения постоянно, и как следует его загружать.

— На поручениях и загрузке далеко не уедешь.

На прошлой неделе ребята собирали металлические отбросы. Потравина при этом не оказалась. На другой день его спросили, почему не был.

— Несовая ячейка меня не предупредила. Я не знал.

Это навело ребят на мысль, что он неискренний и бездушный комсомолец. Стали, было, поговаривать поставить вопрос о его исключении. Но Витька на той же неделе внес одно ценное предложение по рационализации, и это заслонило его поступок. Придаться к нему не было никакой возможности.

Раговоры о нем в ячейке затевались часто и никогда не кончались определенным выводом или решением.

Внешняя безукоризненность, расторопность и развитость сочетались в Витьке Потравине с определенной внутренней выхоленностью и бездушием к

мольцев, резко настроенных против фоксострочников, сщетнились:

— Вы куда лыжи направили?

— Куда-нибудь... может, еще на вечер успеем.

— Оставайтесь здесь!

— Для какой цели...

— Ну, поговорим, обменяемся мыслями. Может, что и придумаем...

— Придумайте и тогда мне сообщите,—отчеканил Потравина холодно.— Я отказываться не буду!

— Если вы все будете бегать чорт знает где, тогда вся наша работа станет!

— Так я говорю: поручайте,—наступал Потравина.—А тоску здесь гонять я неогласен.

— Значит, ты липовый комсомолец, если тебе здесь, на заводе, скучно. Развлекаешься в чужой среде.

тревогам напряженной заводской общестственности. Но Потравина очень умело скрывал свои настроения от ячейки, и ребята никак не могли установить его настоящий облик.

***

На цеховом комсомольском собрании прорабатывали предложения для передачи в бюро рационализации. После множества поправок и добавлений собрание закрылось, и ребята направились в красный уголок цеха.

Потравина просмотрел в газете программу радиопередачи на текущий вечер, сморщился и пошел к выходу.

— Идете, успеете еще!

Его товарищи направились за ним. Несколько комсомольцев, — Это одни слова и притом безответственные, — рассердился Витька. — Меня никто не может заставить бесцельно коптить здесь потолок. Я гуляю или танцую только тогда, когда у меня по ячейке все сделано. Вы этому сами должны у меня учиться.

— Завтра на вечере самодеятельности будешь?

— Вероятно, нет!

— Это почему?

— Я там не занят ничем!

— Мы тоже не заняты, а придем.

— Это ваше личное дело,—начал вкладывать Потравина.—Приходить на заводское развлечение меня силком не заставите... Развлечение и отдых—не повинность и не обязанность, может, мне в драме будет гораздо интересней.

Нечего было сказать на это. Потравина гордо вышел из красного уголка и ушел за собой своих соратников.

В воскресенье Потравина был назначен дежурным в клубе. Он явился немного раньше положенного срока, быстро навел порядок в зрительном зале и, когда стали собираться рабочие, он начал афишировать себя:

— У меня сегодня фокстрот у Егорьевских, но я точно исполню свои комсомольские обязанности, не думаю жаловаться на ячейку, что она назначила меня сейчас вне очереди!

И ячейка до сих пор в затруднении: кто он, Виктор Борисович Потравина, рабочий-комсомолец «Красного Выборжца»?

Так танцуют—голова хмелеет от удовольствия!

ВОЗМУЩЕНИЕ „ЛАКИРОВАННОЙ“

«Лакированная» 1829 года: «(то поддержал? В ком чувство я нашла?»

7 марта 1929 года

«ТОВ. ДУБИЛЕТ!

Сегодня прочла в неведомом до сих пор комсомольском журнале «Смена» очерк: «Комсомол или старичок», в котором все говорит за то, что речь идет именно про меня, а не о какой-то другой комсомолке... Я решила об'ясниться с товарищами, которые взяли на себя роль судей и, воспользовавшись моими ошибками, которые я совершила в момент беспомощности, решили бросить меня в мешанное болото, в толпкий лак.

Являясь комсомолкой, я готова держать ответ за свои действия, перед кем заставит организация.

Для об'яснения условий, приведших меня к падению, я проицирую произведение, предупреждая, не принадлежащее моему перу, но говорящее моим языком и вполне отвечающее моим настроениям.

ИЗ ДНЕВНИКА ЖЕНЩИНЫ 1

Пустячий мир мне стал, и в мире я одна.
Все жизнью исчерпана, все счастье пережито...

И чаша ценная и полная вина
Не осушенная—рабита...

.....
Ты говоришь, я приношу несчастье!
Я ветрена и всем приношу немало зла!
Пусть так... а мне кто выказал участие?
Кто поддержал? В ком чувство я нашла?
Одна среди невагов и жизненной тревоги,
Среди обласана сладостных надежд
Прошла по скользкой я дороге,
Вражданы среди нахалов и невенд...
Проблежали дни, стрелою пролетело время,
От прежних сил нет больше и следа.
И жизнь уже гнет, как тягостное бремя;
Бесплодно лучшие загублены года...

¹ Текст приводится по оригиналу письма.

В № 4 «Смены» за 1929 г. среди корреспонденций читателей о «лакированных» комсомолок была помещена заметка тов. Дубилета «Комсомол или старичок? В ней автор рассказывал о некоей комсомолке Мери, условно названной им по фамилии «Ройман», которая в поисках равнообразия, юта и «общества» дошла до такого откровенного вывода: «Нам, женщинам, связаться с комсомольцем нет никакого смысла. Другое дело «заветный» «лакированный» «старичка» с хозяйством, чтобы можно было его дергать в руках».

Появление заметки в «Смене» вызвало со стороны «Ройман» реакцию возмущения. Она обрушилась на тов. Дубилета с письмом, в котором она высказала свое негодование. Тов. Дубилет был вынужден ответить своей корреспондентке.

Считая, что тов. Дубилет поступил совершенно правильно, перепла в редакцию материал этой переписки. Считая также, что письмо Мери достаточно красноречиво говорит само за себя и что тов. Дубилет, хотя и недостаточно ищущий, впрочем, но в основном верно характеризует поведение Мери, редакция выносит переписку на страницы журнала и на суд читателей.

Место ли таким, как Мери, в комсомоле?

Проверим этот вопрос на коллективном мнении читателей «Смены».

Пусть кричат сознательные
о злобой ядовитой,
Каждый шаг мой клейкая
ненавистью злой!
Все равно теперь мечты
мои разбиты,
Разбит души моей покой...
И ты, который испытал
все жизненные мучения,
Сам страдавший в поисках
путей,

Громогласно осудив ошибки, увлечения,
Отравил моих молодых дней...

Неужели, боже мой, ты все забыл? Мы ведь провели в одном детском доме несколько лет, хорошо знали один другого, хотя нас разделял разлет. Сам скажи, кто был первым «юным спартакотом»? Ячейки, в которой ты секретарствовал? Не я ли? Имела ли я хоть одно значительное замечание? Не имела. Наоборот, отдельные товарищи, мои ровесники, которые сейчас считаются «партийными из праведных» и состоят в партии, вышли из детского с багажом «алиментных» грехов.

Меня, брат, испортила самостоятельность, отсутствие близких друзей, которые помогали бы мне разрешать наблюдательные вопросы. Не опровергая в общем описанные тобой в очерке «Комсомол или старичок» факты, скажу: если бы комсомол занялся изучением путей и настроений выходящих из детских домов, он стал бы перед печальной картиной... 75% из комсомольцев-детдомовцев генераты или попросту балласт в союзе. Судьба угодно была, чтобы в кривой отрицательных цифр была и моя единица; а против судьбы не поперешь...

Ты, наверное, слышал про недавнюю историю в мединституте. Некий Н., бывший беспартийный, выходящий из детского дома, по своей воле вышел из комсомола. Он подал общему собранию ячейки заявление о причинах выхода, в котором преобладала такие словечки, как: «Мое имя стерлось на билете организации... Мне навевали обручи на ноги... Я задыхался и рвался...» и т. п.

Текущий момент он охарактеризовал следующими словами:

«Революция, одевшись в манто, танцует под звуки джак-банда фокстрота»...

Сильно, сильно и дерно сказаны эти «красивые» слова...

Ты обрушился всей тяжестью своего идеализма на меня за то, что я, комсомолка, позволила себе, в связи с переходом («пародия на выживание») из «уборщицы» (ката), моего основного занятия, от которого я, выведу большой безработицы, вынуждена была на время отказаться) в машинистки, решительно изменилась. Начала носить коротенькую по колено юбочку, пышно декорированную кофточку, пудрить и красить свое личико (зналь, что о маникюре почему-то умолчал, наверное не знал), вращаться в поисках «старичка» в чуждых комсомолу кругах. Если это так, то неужели на 12 году революции, при сравнительно несложном благополучии страны, пребывание в рядах комсомола может об'яснить меня, чтобы я «в порядке своей дисциплины... гуляла» (обязательно с комсомольцами) ходила в «латинский спидниги, чобит, та свитя», строила (как это делают многие) заблудное лицо увлеченного идеализмом человека, жила—вернее давила бы селенкой и картошкой, вынужденно переживала бы трудности страны... В таком случае, куда девать излишки моего бюджета, которые я, при таком положении вещей, ни в коем случае полностью израсходовать не смогу?... Копить? Жертвовать? Но, ведь, мы же отвергаем филантропию?

«Щегольство» — абсурдно, нестоящее об'яснение. Об этом можно лишь говорить, опираясь на возможности или необходимость отрыва от комсомола. Чего скрывать, замужество, так или иначе, рано или поздно оставляет любую комсомолку, самую ярую; за бортом организации. Наше щегольство естественно, его комсомол и не в силах и не очень-то горитopsis устранить. Я, как женщина, все равно обречена на беспартийность, но пока, пока можно, я хотела бы оставаться в организации...

Почему я отвергаю брачный союз с комсомольцами? Потому что они—пусть и легкомысленные, не способные по своей ветренности и равнодушиности обидеть уют не только для комсомолок, которые связываются с ними, но и для себя. Я, как никто, добиваясь сознания себе семейного очага, чтобы отдохнуть после перенитого. Не бойтс меня комсомольцами ничего общего не имеет с мнением,

что комсомолки любят богатых ребят, им нужны комоды, ковры и буфет. Бедных они не любят и не хотят с ними гулять». Я не из тех, которые влюбляются в того или иного товарища не за его личные качества, а только, преследуя честолюбивые замыслы или же погнавшись за деньгами; я не из тех, которые преклоняются перед служебным положением и переп той властью, которая окружает мужчин... Нет. Скажу тебе больше — я ищу богатого из беднейших, но человека, которому можно было доверить свою судьбу без опаски. Мое заявление о желании зацепить «старичка» с хозяйством было вызвано целью оправдать бесмысленность связи с комсомольцами, а остальное я безкорыстно.

Вот пример и результаты сожительств с комсомольцами. Ты отлично знаешь этого мерзавца В. С.—ко. Этот, с позволения сказать, комсомолец погубил не одну девушку, и однако все прошло для него гладко. Я была крайне удивлена, когда прочла в газете сообщение об исключении его из рядов комсомола за всякие грязные там делишки. Очевидно, нет ни слова о разврате потому, что все комсомольцы думают, что девушки сами валяются на них ради ежесекундных 8—10 рублей алиментов. Между прочим, об этом мерзком типе или, как выражаются «своей бореле» наших дней, ты тоже почему-то не писал никому.

Имя «Мерля»... Я была под именем «Мерля» — убранный, милая под прошло для него гладко. Я была крайне удивлена, когда прочла в газете сообщение об исключении его из рядов комсомола за всякие грязные там делишки. Очевидно, нет ни слова о разврате потому, что все комсомольцы думают, что девушки сами валяются на них ради ежесекундных 8—10 рублей алиментов. Между прочим, об этом мерзком типе или, как выражаются «своей бореле» наших дней, ты тоже почему-то не писал никому.

Я никак не добьюсь точной «марксистской» установки в вопросах быта. Два-три года тому назад комсомолок, которые отказывали в любви своим ухажерам, проносили жандармскими ласки взглядами, с циничной наглостью рассенивали как товар и клеймили именем Маркса мешанками. Сейчас за легкий подход к мужчине, за ставку на равноправие полов обладал «именем комсомольской этики» и не без ссылки на Маркса — лакированными. Понимаете, в этой путанице сам черт голову потеряет. Выходит или стая, или лялька...

Такое же положение и с внешностью. Когда девушка-комсомолка одета в поряжешнее платье, ходит в поряжешнее от давности и искривленные

ботинках, а на нерасчесанных волосах вместо платок, ее справедливо озабочивают неяркой, некультурной; когда же, наоборот, она одевается культурнее и моднее, она становится лакированной...

Ты дышишь яростью военного коммунизма, а это сейчас плохое качество.

Письмо мое уничтожено. Ради бога, не пиши мне больше ничего, а то и так все знают, о ком идет речь.

Мерля.

15 марта 1929 г.

„МИСС МЕРИ“

Одно скажу. «Лакированные» в комсомоле обречены или на возможное перерождение или на «механический отсев», или, как крайность, на изгнание из рядов комсомола.

Комсомол никогда не возражал бы против вашей юбочки по колено, декольте, пудры, краски и, как вы не без иронии сообщаете, маникюр, но лишь в том случае, если бы при всем этом «райском облачении» вы оставались комсомолкой.

Я умоляю вас в ваших об «ясневших» желании пощеголять красивыми словами — и только. К чему, скажите, привлекать ваши многосyllабные примеры? Что мы за культурную жизнь, против нерешительности, что относится и к «спидни-ти», что к «та свит», об этом свидетельствует «культурный поход», предпринятый союзом.

Но если вы одеваетесь «с игло-чичи» и смотрите свысока на своего товарища, с которым вчера, в ожидании свободного «Ундерула», вместе мыли полы и чистили уборные, то вы все еще себя не по-комсомольски. Тут ни при чем размер вашей юбки и качество косметики, которую вы употребляете, чтобы личико похорошело. Вы отрываетесь, сами того не замечая, от комсомола, от своего класса.

Ваше загнивание, чуждение комсомолки свидетельствует то, что вы пишете: «кондици-на» связываться с комсомольцами нет никакого смысла. Всегда в бегах, ничего не имеет, изменяет при первой возможности. Другое дело зацепить «старичка» с хозяйством». Если комсомолка такого мнения о своих товарищах по организации, что же может сказать выскопренная мешанка, барышня из тех, которые по вечерам «прогуливаются» с неразлучной собачкой на привязи по Крестчатку и в свое

«Лакированная» 1929 года: «Разбит души моей покой».

время вызывавшие у вас отвращение? Она может обилать комсомол грязью, помоями и менее ответственно за это, чем вы, состоящая и комсомолке.

Вы могли быть когда-то в нашей ячейке самой примерной юной спартаковкой, никаких замечаний не имеет. Но все это было вчера, сегодня вам по повелению и рассуждениям не место в комсомоле.

Ваше обширное письмо ко мне показывает, что вы вовсе не «заблудшая овца», а чуждый элемент в наших рядах.

Стыдно вам, бывшему агитпропу, клеветать на организацию, благодаря которой вы получили образование, возмужание в жизни, что она сознательно не устраняет такие явления, как выход из комсомола комсомолок, вышедших замуж. Комсомол всегда обращал внимание на это ненормальное положение. Но чем виноват комсомол, если вы за два-три года до замужества готовите себе дорожку для выхода из комсомола?

Бывший агитпроп, стыдитесь!.. Кто и когда именем Маркса называл мешанки неподатливые комсомолок? Неужели вы пошли до такой низости, что к требованию, исходящему от кухни ухажера, прибегаете имя Маркса.

В стихах, которые, по вашим словам, принадлежат неизвестному автору, вы жалуетесь, что никто не выказывал вам участия, не помогал. Неправда. Вы сами не пробовали прибегнуть к помощи товарищей.

Согласитесь со мной, что вам не место в комсомоле вне зависимости от того, выйдете ли вы замуж или сами оставите ряды комсомола.

И. Дублет.

Слово за тобой, читатель!

«Самый» счастье — так оно изображается в рекламах американских мебельных фирм. Не такого ли уютная требует и мисс Мерли?

Заседание выведной конфликтной комиссии в клубе им. Астакова по делу комсомолки А. Деева (сидит в центре, закрывшись рукой). Слева—общественный обвинитель, редактор журнала «Смена» т. Г. Ярцев.

КОНЕЦ ДЕЕВЩИНЫ

Герой «Истории одного обвинения» предстал перед судом рабочей молодежи.

Задачу бы им, Астакова не вместила всея рабочую молодежь и взрослых рабочих завода «Серв и Молот», пришедших послушать дело комсомолки Деева.

Судит Деева конфликтная комиссия Пролетарского (Рогонско-Симовского) района ВЛКСМ. Общественные обвинители—т. Ярцев (редактор «Смены»), т. Смидович (член ЦКК ВЛКСМ).

Деев обвиняется в виновном отношении и ложности, в антикоммунистических выходках и в срывании им своего истинного социального положения.

После чтения обвинительного акта, председатель суда задает вопрос Дееву:

— Признаешь ли ты себя виновным в предъявленном к тебе обвинении?

Деев немотушно вымалывает белогорую голову и, неслабо путаясь, отвечает:

— Да, признаю и себя виновным только в истинном отношении к девушке.

Однако, когда Деев был взят под перекрестный огонь вопросов, перед судом встал новый факт. Деев, оказывается, подкулачник. Он, будучи секретарем колхоза, у себя дома не возращая отгу, когда последний экспроприатор бедняцких крестьян, отдавал землю кулаку в аренду.

Больше того, Деев для снижения сельскохозяйного дала неверные сведения в ринг о своей зарплате.

ЧТО ГОВОРЯТ СВИДЕТЕЛИ?

Перед судом проходит ряд свидетелей. Все, как один, уличают Деева во лжи, в поддельности его показаний об обращении с девушкой, и политической безграмотности и т. д.

Первым дает показания суду т. Хазанов (член бюро заводского коллектива ВЛКСМ):

«См. «Смену» №№ 2 и 3. Там Деев был условно назван Аллесым, а завод «Серв и Молот», где Деев работает—Шлут и Транктор».

1. Конфликтная комиссия считает, что действия, подобные совершаемым Деевым по отношению к девушке, должны считаться общественно чуждыми, как неагрессивные, некоммунистические отношение к быту.

2. Деев, как комсомолец, допустил и не противодействовал семье экспроприатора батраков и сдавать землю в аренду кулаку. Этим самым он блокировал ее кулаком и содействовал развитию кулацкого хозяйства, что противоречит политике партии и советской власти. Это обвинение, предъявленное Дееву, доказано.

Деев на комсомольца негодит.

Но, признавая во вменяемом признании им своих ошибок и его заверения ЦКК на отрывком заседания и перед всеми рабочими, что он примет меры и исправит своих ошибок и порвет всякую связь со своим отцом, ЦКК постановляет:

В виде крайней исключительной меры, на основании вышеуказанных, смущающих пишу обстоятельств, оставить т. Деева в рядах комсомола, об'явив ему строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело и снятием со всякой руководящей союзной работы.

— Я ищейбой был назначен председателем комиссии по обследованию дела Деева. Очень трудно было работать комиссии, когда Деев вчера говорил одно, а сегодня другое. На собрания ищейки Деев отказывался от всех пред'явленных к нему обвинений, а на заседании комиссии по многу соизволил. Например, он на ищейке сказал, что у него в деревне разрушенная хата, а на заседании комиссии сказал, что маленький дом. Факты, изложенные в очерке «История одного обвинения»,—правдивы.

Вторым выступает свидетель Василевский, нынешний секретарь об'единенной ищейки, где некогда секретарствовал Деев. Василевский справедливо обрушивается на бюро заводского коллектива за то, что оно на собраниях ищейки, когда стоил вопрос о снятии с Деева обязанности секретаря, поверхностно осветило дело Деева.

— Ищейки был предпослан только факт стопнивания Деева с девушкой,—заявил т. Василевский.—Теперь же оказалось, что наряду с этим фактом имеются еще более серьезные факты. Например, классовую подоплеку поступков Деева представлять бюро коллектива не сумел передать нашей ищейке, поэтому многие ребята отставали Деева.

Свидетель Алесин, которому редакция «Смены» было поручено расследование дела и который специально ездил в деревню узнавать происхождение Деева,—рассказывает, как недоверчиво отнеслось бюро ищейки к тому делу, сыгравшему на то, что Деев, дескать, хороший работник, активный комсомолец. Затем он дает суду справку о состоянии хозяйства Деева в деревне.

В разборе дела Деева приняли участие рабочие партии из аудитории, которые пришли убедиться, как иногда хитритесь кулак скрывать свою неискренность за ширмой образцов работы.

ПРЕНИЯ СТОРОН И РЕЧЬ ТОВ. СМИДОВИЧ

Первым выступает общественный обвинитель отв. редактор журнала «Смена» т. Ярцев,

содержание речи которого приводит нами ниже, нам заключение редакции.

Ведая за т. Ярцевым выступила т. С. Н. Смидович. В начале своего выступления она привела ряд фактов, присутствующих комсомольцев, как неумевших относиться к ищейке по-человечески.

— Когда и стала знакомиться с этим делом—говорит т. Смидович,—первою мной председателю всего встал вопрос: можно ли верить Дееву? Все им правда, а чем писала обвинительница? Ряд наборождений заставляет нас правдивым взглядом ее слово. Деев срыл от ищейки свое социальное происхождение, он умалчивал о своем отце—ничего тому, что говорила нам девушка, приходится верить. Когда человек врет в одном, тогда мы вправе не верить ему в другом. Здесь все сказалось на то, что Деев хороший, активный комсомолец. А никто из завышающих его ни слова не сказал об его отношении к дочери рабочего. Мы знаем, что ЦКК нашей партии неслучайно распространяет с такими партиями, которые наивнейшими относятся к ищейке. Мы не можем пропустить мимо этого, Социализм мы можем построить только при вовлечении массы народа, а воспитание, нам Деевы, будут обращаться по-сосотски с девушкой, мы их не сможем привлечь в наше общество.

Дело Деева вскрылось—заявила свою речь тов. Смидович,—когда мы потонули его за втучку отношений Деева и девушку. Личное и общественное тесно связано между собой. Предположим, выяснится, что комсомолец встал в беду, присмотритесь вобще и вы увидите, что он в общественном отношении плох. Дееву было выгодно быть активным. Его же эксплуататорские отношения к девушке привели нас и вынуждают кулацкой психологией. Таких нам в комсомоле не надо.

После т. Смидович выступил секретарь заводской ищейки ВЛКСМ тов. Рубанчик, который привалит ошибки, допущенные ищейкой, во время разбора дела о Дееве.

Около 2-х часов ночи было вынесено решение конфликтной комиссии.

РЕШЕНИЕ ПО ДЕЛУ ДЕЕВА

Одновременно при этом ЦКК считает, что дальнейшее пребывание Деева в комсомоле возможно лишь при выполнении им следующих условий:

- 1) Порвать связь с отцом.
- 2) Передать семье сель-совету.
- 3) Удалиться селхозкооператива на прошлое время с фактического заработка.

Для выполнения этих условий установить срок в 2 месяца и объявить Деева по истечении этого срока оставшимся на заседании ЦКК о приятих или их мер.

Одновременно с этим ЦКК отмечает допущенные политические ошибки со стороны ревкома ВЛКСМ и декларирует вывод «Серв и Молот», заключающийся в упущении ими классовой сущности дела Деева.

Отметить активность, проявленную редакцией журнала «Смена» в расследовании Деева, но вместе с тем отметить ошибку редакции, заключающуюся в нечетком выявлении его истинных фактов и выявлении завода, а также недостаточно полное расследование в деревне по данному делу.

Председатель ЦКК Пролетарского района А. КОРОВЕВ.

УРОКИ ИЗ ОДНОГО ОБВИНЕНИЯ

(Речь общественного обвинителя т. ЯРЦЕВА по делу Деева)

Первоначально в редакцию журнала «Смена» поступила корреспонденция девушки, которая жаловалась на нетоварищеские, некомсомольские отношения к ней со стороны секретаря об'единенной чехячейки завода «Серп и Молот» Деева. В этой корреспонденции говорилось о Дееве исключительно в плоскости отношений парня и девушки. Поэтому редакция, которая получает много таких писем, переслала это письмо мне для того, чтобы сама на месте выяснила все обстоятельства этого дела.

Ячейка пригласила на разбор этого дела девушку—автора этого письма. И эта девушка согласилась пойти на ячейку и говорить там об этих вопросах. Мы в практике комсомольской работы очень редко встречаемся с такими случаями, когда бы девушки сами приходили жаловаться в ячейку по таким вопросам.

Как должна была бы отнестись ячейка к девушке, которая пришла жаловаться на ее активного работника? Ячейка должна была бы проявить наибольшую внимательность, постараться не оттолкнуть эту девушку, которая согласилась прийти и вести разговор на такую тему.

Перед ячейкой стояла очень сложная задача, поскольку никаких свидетелей по данному делу не может быть. Перед ней были только двое, речь шла об отношениях двоих. На основании чего следовало судить, кто из них прав? Права ли девушка, которая жалуетса на Деева, или прав Деев, который утверждает, что эта девушка наговорила на него из-за злости. Видимому, здесь надо было исходить из всех побочных фактов, выявившихся при обсуждении письма, которые могут подтвердить правильность утверждений той или другой стороны.

И вот если взять обвинения, предъявленные этой девушкой Дееву в вопросах, которые не имеют никакого отношения к их личным взаимоотношениям, то мы видим, что все эти обвинения в основном подтвердились. Каковы эти обвинения? Это обвинения Деева в том, что он скрывал свое истинное социальное происхождение: Деев утверждал, что у него в деревне развалившаяся изба, а на самом деле оказалось, что у него в деревне каменный дом под железной крышей. Затем девушка утверждала, что Деев, работая в городе, сдает в деревне свою землю в аренду. На поверку оказалось, что действительно земля сдавалась в аренду кулаку. То же нужно сказать и о других обвинениях, которые были предъявлены девушкой Дееву.

Эти побочные факты (подтвердившиеся обвинения) дают нам основание верить девушке в ее обвинениях о некомсомольском к ней отношении, с которых началось все это дело. Правота Пановой отсюда для нас несомненна.

Здесь очень много говорилось о том, что Деев—активный работник, что он организовал ячейку, что он своим товарищам никогда не внушал недоверия, что он охотно вел всю ту работу, которая на него возлагалась. Но нужно сказать, что это само по себе еще не является всем для полной оценки Деева. Все чужаки, которые приходят в комсомол, стараются вести себя наиболее активно и тем самым отвлекать от себя возможные подозрения.

Поэтому нельзя ссылаться на хорошую работу Деева на заводе, не принимая во внимание того, как он вел себя вне предприятия.

Каково положение Деева в семье? Деев и отец его зарабатывают вместе 150 рублей, т. е. сумму не малую. Когда же дело доходило до уплаты Деевым сельхозналога в деревне, то установлено по справкам волостпокома, что налог уплачивался с меньшей суммой. Затем, поскольку и Деев, и его отец зарабатывают достаточно средств для жизни в городе, они должны были бы передать свою землю в деревне в распоряжение сельсовета для распределения среди нуждающихся в земле, а не держать за собой землю и переплачивать ее в аренду и, таким образом, увеличивать свой доход.

Деев говорит, что он не интересовался этими вопросами. Трудно себе представить, чтобы Деев стоял совершенно в стороне от всех этих вопросов в семье. Да и как комсомолец он не должен был стоять в стороне от них; он должен был оказывать соответствующее влияние в своей семье. Либо он должен был уйти из семьи. Не в пользу Деева говорят также и тот факт, что после выявления на ячейке уплаты им сельхозналога по преуменьшенной ставке он все же не сбавил ни одной попытки к тому, чтобы правильно уплачивать сельхозналог.

Если бы мы имели дело о Деевем не в городе, не на заводе «Серп и Молот», а в деревне, то как деревенская ячейка должна была бы отнестись к Дееву, который скрывает свое истинное социальное положение, который уплачивает неправильно сельхозналог, который сдает свою землю в аренду кулакам, тем самым помогая усилению кулачества? Ячейка в деревне, несомненно, поставила бы вопрос об исключении такого комсомольца.

Каго комсомолец в деревне принимает в члены своей организации? Комсомол принимает в деревне в свои ряды бедняков, батраков и лучшую часть середняцкой молодежи. Можно ли отнести Деева к лучшей части середняцкой молодежи в деревне? Как мы видим из справки волостпокома, по его имуществу он вовсе не может быть отнесен к наименее обеспеченным середнякам в своей деревне, он более близок к кулаку. В тульской деревне немногие крестьяне-кулаки имеют каменный дом под железной крышей.

Как же реагировала комсомольская ячейка завода «Серп и Молот» на те данные, которые были ей, в конце концов, представлены о секретаре ее об'единенной чехячейки Дееве. Надо признать, что ячейка в данном случае совершила ошибку, не доучтя все политическое значение данного дела. С самого начала в ячейке была тенденция свести все это дело к рассмотрению взаимоотношений Деева и Пановой, т. е. к обычному бытовому делу, в котором трудно разобраться, так как нет ни свидетелей, ни подтверждающих данных. Побочные факты, о которых уже говорилось выше, очень важные факты, ячейка не смогла как следует учесть и сделать из них для себя выводы.

Мы в настоящее время очень много говорим о борьбе с правой опасностью, о том, что правая опасность является

основной опасностью в настоящее время. Ячейки принимают хорошие резолюции о необходимости решительной борьбы с правой опасностью. Но наши ячейки еще не научились применять эти резолюции, принятые единогласно, в жизни. И вот с таким случаем мы имеем дело. Ячейка не сумела перевести обсуждение этого письма девушки к нетоварищескому, некомсомольскому отношению комсомолки к девушке на выяснение вопроса о том, что же представляет из себя Деев как член комсомола, как активный работник организации, что он делает, когда устроен с завода, какое у него семейное окружение, что он делал до поступления на завод. А это все вопросы очень важные. Ячейка в определении классового лица Деева себя активно не проявила.

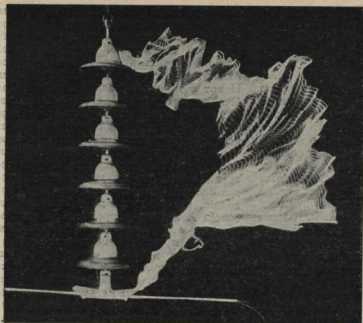
Редакция журнала «Смена» получила несколько десятков писем от комсомольских собраний, от отдельных комсомольцев, и во всех этих письмах требуют исключения Деева из рядов организации. Правда не все читатели сумели, как следует, разобраться в этом деле. Некоторые комсомольцы предлагают исключить Деева, ставя ему в вину лишь нетоварищеские, некомсомольские отношения к девушке. Эти товарищи точно так же, как ячейка завода «Серп и Молот», не сумели как следует выинуть в тот материал, который имелся по этому обвинению. Они не сумели учесть необходимости определения классового лица Деева. И в этом их ошибка.

Во всем этом деле, конечно, дан большой урок и ячейке завода «Серп и Молот» и всем читателям о том, как подходить к разрешению данных вопросов.

1 Вза недостатком места редакция не имеет возможности поместить здесь самые интересные из полученных отзывов читателей.

А. Деев на суде.

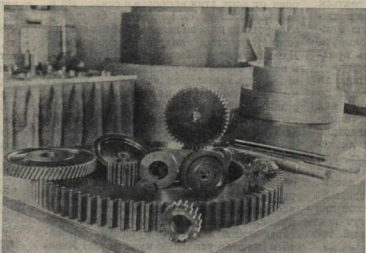

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ РАЗРЯДКА В 390 000 ВОЛЬТ

Величайшая в мире станция для испытания изоляторов токов высокого напряжения—на одном из германских заводов в Саксонии. На фото (вверху) электрическая разрядка на шестичленном подвесном изоляторе при токе 390 000 вольт и при силе ветра 12 метров в секунду.

НОВОТЕКСТ

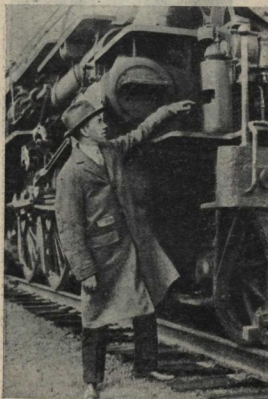
Непобедимую, как казалось, трудность конструкции зубчатых колес, зубья которых, при конструктивной их легкости, мало бы изнашивались и не стирались бы даже при долгой работе,—стараясь разрешить употреблением новых строительных мате-

риалов. Видные на фото (вверху) зубчатые колеса и пр. сделаны из «новотекста». Этот материал получается следующим образом: в голубую смолу погружают сломи крепкую хлопчатобумажную ткань и прессуют ее при высокой давлении. После охлаждения материал становится твердым, как камень, и может быть обработан, как твердое дерево. При этом материал достаточно эластичен для замены стальных шестерен.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КАТАСТРОФ

В Америке изобретен аппарат, предупреждающий железнодорожные катастрофы и автоматически останавливающий поезд. Произведенные опыты показали возможность остановить поезд, идущий со скоростью 85 километров в час. На фото (слева) изобретатель Льюис у аппарата на паровозе, воспринимающего сигнал. Этот аппарат механически приводит в действие тормоз без участия машиниста, и поезд останавливается, проехав 120 метров после сигналов.

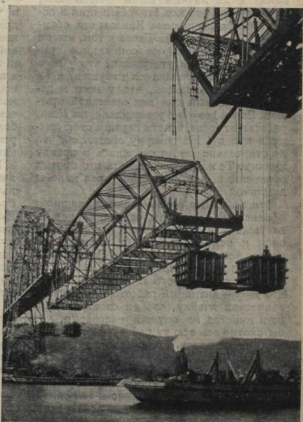

БЕЗ РАЗБЕГА

Автожир или геликоптер — аэроплан, поднимающийся с земли вертикально без разбега. Такой аэроплан помимо обычного имеет еще громадный пропеллер, устанавливаемый в верхней части аппарата. На фото (вверху) автожир, сконструированный во Франции изобретателем Сьера.

ЧУДЕСА СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Новый железнодорожный мост на заливе Сан-Франциско. Работа по постройке его продолжалась более 4 лет. На фото (внизу) момент подъема и установки одной из серединых ферм.

Т РА М Ы

(Перенос со 2-й стр. обложки)

звыя уральской областной печати («Уральский Рабочий», «На смену») и Уралкома, считающего Трам ценным культурным заведением комсомола.

Совсем недавно Армавирский комитет ВЛКСМ приступил к созданию и труппы. Обращаясь в Наркомпрос, армавирцы просит помочь dotацией в 150—200 рублей на первые 3—4 месяца работы. Интереснее всего является то обстоятельство, что организационная работа по созданию Трам была проведена в период культурного армавирского комсомола. К этому делу было привлечено широкое общественное мнение рабочей молодежи, выявлен актив, готовый работать в Трамe. Местные же организации помогают армавирцам мало, будучи сами бедны и страдая (почти как воюют) невезением в это дело.

В Свердловске же организовался Театр рабочей молодежи, взявший под свое руководство также Театр юных зрителей. Первой постановкой Трам была пьеса «Зорька». Активное участие в организации театра принимал окружной ВЛКСМ.

Необычайную форму и методы организации Трам в К и е в е проявили его руководители.

В К и е в е существовал театр для детей, обладавший несомненно крупными художественными достижениями. Его руководство захотело организовать театр для рабочей молодежи, ибо такового до сих пор в городе не было. Сказано — сделано!

История его организации необычайно проста. Стоило только перевести декорации из одного помещения в другое, добыть немного красок на афиши, а все остальное — сущие пустяки!

Театр был организован. В репертуаре... «Дон Кихот», «Ревизор», «Анталка-Полтавка»... и ни одной современной пьесы, так как, по мнению «руководителей» для Трам современных вещей нет. Кризис!

Открытие театра состоялось 15 октября постановкой «Дон Кихота». Директор театра оповестил собравшихся о великом событии: комсомол Киевщины имеет детище, название которому — Трам.

Но детище оказалось мертворожденным.

Молодежь возмущена, она требует реорганизации театра, ничего общего с Трамом не имеющего.

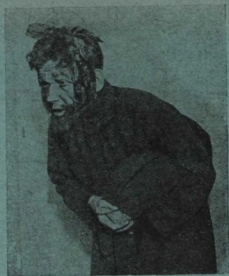
Благодаря таким примерам подмены театров рабочей молодежи театрами для рабочей молодежи, создается угроза компрометировать трамовское движение, искать его сущность и установку.

ЦК ВЛКСМ и Наркомпрос РСФСР и УССР в конце мая созывают всевозможную конференцию Трам.

Конференция подведет итоги развитию трамовского движения, систематизирует опыт работы, ущет ошибки и достижения, уточнит принципы и установку Трам, и т. п. Особенно важным в работе конференции будет проработка методики Трам, оценка репертуара, способы и средства создания нового.

Театры рабочей молодежи являются важнейшими участками социалистического наступления на твердыни старого театра.

Трам — детище комсомола — ищет свою работу как часть массовой художественной комсомольской работы. Не ограничивая своей деятельности постановкой спектаклей, они проводят всестороннюю работу по художественно-бытовому воспи-

Длячок из рассказа Чехова «Хирургия» (отдучная работа Замосноворожденного Трама)

танию нового человека-художника, смело пользующегося новыми средствами сценической выразительности. Поэтому Трам должен работать в атмосфере товарищеского внимания, помощи и поддержки комсомольских организаций.

С 6 июня в Москву по приглашению МК ВЛКСМ приезжает на гастроли Ленинградский Трам. В его репертуаре, помимо пьес, известных москвичам по прошлогодним гастролям, новые постановки: комсомольская оперетта «Дружная горка», «Клеш замучивый» и «Зорька».

«Смена» на своих страничках познакомит читателя с новыми работами ленинградцев.

П О Ж А Р

(Перенос со стр. 7).

Развидняя по сторонам прослеживших из на шутку баб и старух, пробрался вперед лет шестнадцати парень. Подошел вплотную к президиуму, остановился напротив Кизялкова и обратился к нему с ошеломляющим спокойствием и смелостью:

— Гражданин Кизялков! — он точно раторовал перед вышедшей женщиной, — Ваша дочь, Натасия Евстигнеевна, отправилась час тому назад в Штировский ГИК на регистрацию, на предмет совместного сожителства с комсомольцем Владимиром...

Впяывая похолодевшими глазами в разъяроен стоявшего перед ним парня, Кизялков почувствовал сильное дрожание в ногах, покалывающий озноб в пояснице.

— Что?... что?... бесовяно бормотал он, стараясь как можно глубже винкнуть в рапорт парня. — Что? что такое, а?! Моя дочь...

Парень вторично отчеканил без единой запянки в голосе. По рапорту было видно, что парня подослали комсомольцы с этой убийственно-оглушительной новостью к Кизялкову, чтоб Кизялков, а вместе с ним и вся его партия проиграла сражение. Мордаплов и Шалаваин махнул отлично раскумачили и в отчаянии перепрыгивались между собой. Одни только Кизялков никак не мог очухаться. Народ, особенно бабы и старухи, были оглушены этой новостью, она имом вышибла из их памяти все ужасы, которыми оглушал Кизялков.

Тогда Шевяков, угадав, что Шалаваин и Мордапловы договорились сорвать собрание, быстро поднялся на скамейку и обратился к толпе, глухо рокочавшей в густой темноте:

— Товарищи, вы видите, как жидь...

Шалаваин озлобленно кинулся к Шевякову:

— Я вам слова не дам... Не дам...

Шевяков, не слушая Шалаваина, кричал:

— Не голосуйте! Загря вымрут траматоры!.. Гоните миров...

лов. На зарывает трамворая колонна! Да здравствует другая жизнь в нашей деревне!

Толпа сгрудилась у стола.

Мордаплов и Шалаваин неистово стучали по столу кулаками, призывая крестьян к порядку. Налпом ташли за полу пиджака Шевякова со скамейки. Кизялков бессмысленно смотрел на толпу, болезненно улыбаясь. Кто-то из молодежи залеп «Интернационал». Его голос плавно поднялся над толпой и задрожал радостью. Толпа приутихла. К первому голосу присоединилось еще несколько, и он стал не одинокий.

Шевяков не выдержал, он быстро вскочил на стол и, джиржуя рукой, залеп. Кизялков тихо раскачивался туловищем; кроме «Интернационала», который горлавила почти вся толпа, он слышал поскрипывание стола под тяжестью Шевякова.

— Пожар! Пожар! — раздирая горло, взвылил вдруг голос «Интернационала».

«Интернационал» сплотнувшись; в нем, точно в духовом оркестре, оборвалось несколько голосов, остальные неуверенно задрожали, опустились ниже к земле...

— Пожар! Пожар!

Толпа ахнула, загуледа, глухо, насадено рванулась в разные стороны, сбивая друг друга с ног.

Неустроезное изжелто-красное пламя развилнну бархатную мглу, осветило полдервяни, как раз тот самый конец, который выгисился глаголем и в котором жила почти одна беднота.

— Коммунисты горят! — раздался пронзительный крик и пропала обшем тепоте толпы, рывай от зарева, и в гуде сухой земли. Плотнн окутанный нью Шевяков влоргул, ослепляя; за столом все так же, как и до этого пожара, полужелал на столе Кизялков и горью улыбаясь. Остальные все бежали. Даже Шалаваина не было около своей избы, притихшей и мертвой.

— Что ж, — вздохнул Кизялков, — горим оба... а?

Шевяков встретился с полубезумным взглядом Кизякова.

— Не сгорим. Даже бить будете из-за угла, и тогда не погине!

Не сгорелось прыгнул он со стола, вынул из кармана махорку, закурил, а когда закурил, осмотрел, затем шагнул в сторону и медленно направился к монатарю, полатычь и сутулясь Кизялков, всматриваясь в его спину, замечая, что Шевяков не повернулся назад, не взглянул на свое гнило, охваченное пожаром.

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. СЛОНИМА

Задача № 9
М. ХАВЕЛЬ

Белые: Кр g2, Ф е7, Л d5, С h8;
h7 f7 c8 (3)
Черные: Кр h7, Л b8, К d7, h7;
и h8 c8 (5)
Мат в 2 хода.

Задача № 10
М. ХАВЕЛЬ

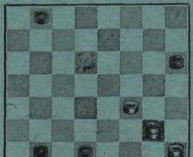
Белые: Кр b2, Ф d6, К e1 и e4 (4)
Черные: Кр h1, С b7; h2 (3)
Мат в 3 хода.

ШАШКИ

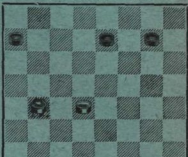
Под редакцией В. В. МЕДКОВА

3-й номер решения задач и этюдов
Этап № 7
А. БЕАЛЛИНСКИЙ (Белорусия)
Печатается впервые

Этап № 8
ЮРИЙ ШМИДТ (Харьков)
Печатается впервые

Белые: Д g3, h2; пр. f4 ..... (3)
Черные: пр. b2, h8, d2, h6 ..... (4)
Белые начинают и выигрывают.

Белые: пр. b4, d4 ..... (2)
Черные: пр. a7, e7 ..... (3)
Белые начинают и делают ничью.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ И ЭТЮДОВ 2-го МОКУРСА.

«Смена» № 22 за 1928 г.

Задача № 15 Л. Либермана.
(Вел. Д. c7, e1, h6; пр. a1, b6, c8, d8; Черн. пр. a3, d8. Запретят проехать.)
1. e1—f2, d8—e7 (h3); 2. c7—d6; 3. f2—h3; 4. c8—d4; 5. a1—h2 и в. h6 c1; А1 ..... a3—h2; 2. h6—g7; 3. g7—c3; 4. e7—d6; 5. d2—e3; 6. a1—h2; 7. c3—d4; 8. h2—c3; 9. f2—g3 и h6, d4—g1.

Имеет 4 побочных решения:
1. h1—g2, h1, g2—c3, h1 f1. h6—f8, h6 f1, c3—h6 и f8.

Этюд № 17 В. Пелько. (Вел. Д. d2; пр. b2, h6, h7; Черн. Д. d2; пр. d4, h8, h9. Выигрывает.)
1. d6—e7; 2. f6—e7 и е8 f7 ..... d6 f8, то 3. g7-e7 и выигр.; а если 2. f6—h8; то 3. e7-c7 и b7—c7.

Этюд № 18 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. c1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 19 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. f7; пр. f6; Черн. пр. a3, b4. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 20 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 21 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 22 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 23 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 24 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 25 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 26 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 27 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 28 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 29 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 30 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 31 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Этюд № 32 А. М. Седлакина.
(Вел. Д. d1; пр. f6, h2, h4; Черн. пр. h2, b7, c7, c8; пр. f6, d8, h8. Выигрывает.)
1. h6—e7; 2. e7—f8; 3. e7—f8; 4. h4—g5; 5. f8—e9 и в6, e5—f4.

Конкурс решений прошёл на май месяц. Со следующего плакатного отдела будут печататься решения, фамилии решивших и результаты (в очках) участников конкурса.

За решение задач в этом номере начисляется 2 очка за двухходовку и 3 очка за трехходовку.

Чемпион мира А. Алехин гастролирует сейчас в Америке, где с его участием предполагается организовать турнир. До поездки в Америку Алехин гастролировал в Польше, где дал три сеанса одновременной игры. Причём одну из партий, специально проведённую чемпионом мира.

ПАРТИЯ № 3

Отгаданный ферзевый гамбит.
Алехин (Белые) Альер (Черные)
1. d4—d4 К g8—f6
2. К f1—f3 e7—e6
3. e2—e4 d7—d5
4. К b1—c3 К h8—d7
5. С c1—e3 e6—e7
6. Ф d1—c2 Ф d8—d5
7. e4—e5 f7—f6
8. Ф c2—d3 Ф e6—e7
9. e5—e6 f6—f7
10. Ф d3—d4 Ф e7—e8
11. Ф d4—d5 Ф e8—e9
12. Ф d5—d6 Ф e9—e0
13. Ф d6—d7 Ф e0—e1
14. Ф d7—d8 Ф e1—e2
15. Ф d8—d9 Ф e2—e3
16. Ф d9—d0 Ф e3—e4
17. Ф d0—d1 Ф e4—e5
18. Ф d1—d2 Ф e5—e6
19. Ф d2—d3 Ф e6—e7
20. Ф d3—d4 Ф e7—e8
21. Ф d4—d5 Ф e8—e9
22. Ф d5—d6 Ф e9—e0
23. Ф d6—d7 Ф e0—e1
24. Ф d7—d8 Ф e1—e2
25. Ф d8—d9 Ф e2—e3
26. Ф d9—d0 Ф e3—e4
27. Ф d0—d1 Ф e4—e5
28. Ф d1—d2 Ф e5—e6
29. Ф d2—d3 Ф e6—e7
30. Ф d3—d4 Ф e7—e8
31. Ф d4—d5 Ф e8—e9
32. Ф d5—d6 Ф e9—e0
33. Ф d6—d7 Ф e0—e1
34. Ф d7—d8 Ф e1—e2
35. Ф d8—d9 Ф e2—e3
36. Ф d9—d0 Ф e3—e4
37. Ф d0—d1 Ф e4—e5
38. Ф d1—d2 Ф e5—e6
39. Ф d2—d3 Ф e6—e7
40. Ф d3—d4 Ф e7—e8
41. Ф d4—d5 Ф e8—e9
42. Ф d5—d6 Ф e9—e0
43. Ф d6—d7 Ф e0—e1
44. Ф d7—d8 Ф e1—e2
45. Ф d8—d9 Ф e2—e3
46. Ф d9—d0 Ф e3—e4
47. Ф d0—d1 Ф e4—e5
48. Ф d1—d2 Ф e5—e6
49. Ф d2—d3 Ф e6—e7
50. Ф d3—d4 Ф e7—e8
51. Ф d4—d5 Ф e8—e9
52. Ф d5—d6 Ф e9—e0
53. Ф d6—d7 Ф e0—e1
54. Ф d7—d8 Ф e1—e2
55. Ф d8—d9 Ф e2—e3
56. Ф d9—d0 Ф e3—e4
57. Ф d0—d1 Ф e4—e5
58. Ф d1—d2 Ф e5—e6
59. Ф d2—d3 Ф e6—e7
60. Ф d3—d4 Ф e7—e8
61. Ф d4—d5 Ф e8—e9
62. Ф d5—d6 Ф e9—e0
63. Ф d6—d7 Ф e0—e1
64. Ф d7—d8 Ф e1—e2
65. Ф d8—d9 Ф e2—e3
66. Ф d9—d0 Ф e3—e4
67. Ф d0—d1 Ф e4—e5
68. Ф d1—d2 Ф e5—e6
69. Ф d2—d3 Ф e6—e7
70. Ф d3—d4 Ф e7—e8
71. Ф d4—d5 Ф e8—e9
72. Ф d5—d6 Ф e9—e0
73. Ф d6—d7 Ф e0—e1
74. Ф d7—d8 Ф e1—e2
75. Ф d8—d9 Ф e2—e3
76. Ф d9—d0 Ф e3—e4
77. Ф d0—d1 Ф e4—e5
78. Ф d1—d2 Ф e5—e6
79. Ф d2—d3 Ф e6—e7
80. Ф d3—d4 Ф e7—e8
81. Ф d4—d5 Ф e8—e9
82. Ф d5—d6 Ф e9—e0
83. Ф d6—d7 Ф e0—e1
84. Ф d7—d8 Ф e1—e2
85. Ф d8—d9 Ф e2—e3
86. Ф d9—d0 Ф e3—e4
87. Ф d0—d1 Ф e4—e5
88. Ф d1—d2 Ф e5—e6
89. Ф d2—d3 Ф e6—e7
90. Ф d3—d4 Ф e7—e8
91. Ф d4—d5 Ф e8—e9
92. Ф d5—d6 Ф e9—e0
93. Ф d6—d7 Ф e0—e1
94. Ф d7—d8 Ф e1—e2
95. Ф d8—d9 Ф e2—e3
96. Ф d9—d0 Ф e3—e4
97. Ф d0—d1 Ф e4—e5
98. Ф d1—d2 Ф e5—e6
99. Ф d2—d3 Ф e6—e7
100. Ф d3—d4 Ф e7—e8
101. Ф d4—d5 Ф e8—e9
102. Ф d5—d6 Ф e9—e0
103. Ф d6—d7 Ф e0—e1
104. Ф d7—d8 Ф e1—e2
105. Ф d8—d9 Ф e2—e3
106. Ф d9—d0 Ф e3—e4
107. Ф d0—d1 Ф e4—e5
108. Ф d1—d2 Ф e5—e6
109. Ф d2—d3 Ф e6—e7
110. Ф d3—d4 Ф e7—e8
111. Ф d4—d5 Ф e8—e9
112. Ф d5—d6 Ф e9—e0
113. Ф d6—d7 Ф e0—e1
114. Ф d7—d8 Ф e1—e2
115. Ф d8—d9 Ф e2—e3
116. Ф d9—d0 Ф e3—e4
117. Ф d0—d1 Ф e4—e5
118. Ф d1—d2 Ф e5—e6
119. Ф d2—d3 Ф e6—e7
120. Ф d3—d4 Ф e7—e8
121. Ф d4—d5 Ф e8—e9
122. Ф d5—d6 Ф e9—e0
123. Ф d6—d7 Ф e0—e1
124. Ф d7—d8 Ф e1—e2
125. Ф d8—d9 Ф e2—e3
126. Ф d9—d0 Ф e3—e4
127. Ф d0—d1 Ф e4—e5
128. Ф d1—d2 Ф e5—e6
129. Ф d2—d3 Ф e6—e7
130. Ф d3—d4 Ф e7—e8
131. Ф d4—d5 Ф e8—e9
132. Ф d5—d6 Ф e9—e0
133. Ф d6—d7 Ф e0—e1
134. Ф d7—d8 Ф e1—e2
135. Ф d8—d9 Ф e2—e3
136. Ф d9—d0 Ф e3—e4
137. Ф d0—d1 Ф e4—e5
138. Ф d1—d2 Ф e5—e6
139. Ф d2—d3 Ф e6—e7
140. Ф d3—d4 Ф e7—e8
141. Ф d4—d5 Ф e8—e9
142. Ф d5—d6 Ф e9—e0
143. Ф d6—d7 Ф e0—e1
144. Ф d7—d8 Ф e1—e2
145. Ф d8—d9 Ф e2—e3
146. Ф d9—d0 Ф e3—e4
147. Ф d0—d1 Ф e4—e5
148. Ф d1—d2 Ф e5—e6
149. Ф d2—d3 Ф e6—e7
150. Ф d3—d4 Ф e7—e8
151. Ф d4—d5 Ф e8—e9
152. Ф d5—d6 Ф e9—e0
153. Ф d6—d7 Ф e0—e1
154. Ф d7—d8 Ф e1—e2
155. Ф d8—d9 Ф e2—e3
156. Ф d9—d0 Ф e3—e4
157. Ф d0—d1 Ф e4—e5
158. Ф d1—d2 Ф e5—e6
159. Ф d2—d3 Ф e6—e7
160. Ф d3—d4 Ф e7—e8
161. Ф d4—d5 Ф e8—e9
162. Ф d5—d6 Ф e9—e0
163. Ф d6—d7 Ф e0—e1
164. Ф d7—d8 Ф e1—e2
165. Ф d8—d9 Ф e2—e3
166. Ф d9—d0 Ф e3—e4
167. Ф d0—d1 Ф e4—e5
168. Ф d1—d2 Ф e5—e6
169. Ф d2—d3 Ф e6—e7
170. Ф d3—d4 Ф e7—e8
171. Ф d4—d5 Ф e8—e9
172. Ф d5—d6 Ф e9—e0
173. Ф d6—d7 Ф e0—e1
174. Ф d7—d8 Ф e1—e2
175. Ф d8—d9 Ф e2—e3
176. Ф d9—d0 Ф e3—e4
177. Ф d0—d1 Ф e4—e5
178. Ф d1—d2 Ф e5—e6
179. Ф d2—d3 Ф e6—e7
180. Ф d3—d4 Ф e7—e8
181. Ф d4—d5 Ф e8—e9
182. Ф d5—d6 Ф e9—e0
183. Ф d6—d7 Ф e0—e1
184. Ф d7—d8 Ф e1—e2
185. Ф d8—d9 Ф e2—e3
186. Ф d9—d0 Ф e3—e4
187. Ф d0—d1 Ф e4—e5
188. Ф d1—d2 Ф e5—e6
189. Ф d2—d3 Ф e6—e7
190. Ф d3—d4 Ф e7—e8
191. Ф d4—d5 Ф e8—e9
192. Ф d5—d6 Ф e9—e0
193. Ф d6—d7 Ф e0—e1
194. Ф d7—d8 Ф e1—e2
195. Ф d8—d9 Ф e2—e3
196. Ф d9—d0 Ф e3—e4
197. Ф d0—d1 Ф e4—e5
198. Ф d1—d2 Ф e5—e6
199. Ф d2—d3 Ф e6—e7
200. Ф d3—d4 Ф e7—e8
201. Ф d4—d5 Ф e8—e9
202. Ф d5—d6 Ф e9—e0
203. Ф d6—d7 Ф e0—e1
204. Ф d7—d8 Ф e1—e2
205. Ф d8—d9 Ф e2—e3
206. Ф d9—d0 Ф e3—e4
207. Ф d0—d1 Ф e4—e5
208. Ф d1—d2 Ф e5—e6
209. Ф d2—d3 Ф e6—e7
210. Ф d3—d4 Ф e7—e8
211. Ф d4—d5 Ф e8—e9
212. Ф d5—d6 Ф e9—e0
213. Ф d6—d7 Ф e0—e1
214. Ф d7—d8 Ф e1—e2
215. Ф d8—d9 Ф e2—e3
216. Ф d9—d0 Ф e3—e4
217. Ф d0—d1 Ф e4—e5
218. Ф d1—d2 Ф e5—e6
219. Ф d2—d3 Ф e6—e7
220. Ф d3—d4 Ф e7—e8
221. Ф d4—d5 Ф e8—e9
222. Ф d5—d6 Ф e9—e0
223. Ф d6—d7 Ф e0—e1
224. Ф d7—d8 Ф e1—e2
225. Ф d8—d9 Ф e2—e3
226. Ф d9—d0 Ф e3—e4
227. Ф d0—d1 Ф e4—e5
228. Ф d1—d2 Ф e5—e6
229. Ф d2—d3 Ф e6—e7
230. Ф d3—d4 Ф e7—e8
231. Ф d4—d5 Ф e8—e9
232. Ф d5—d6 Ф e9—e0
233. Ф d6—d7 Ф e0—e1
234. Ф d7—d8 Ф e1—e2
235. Ф d8—d9 Ф e2—e3
236. Ф d9—d0 Ф e3—e4
237. Ф d0—d1 Ф e4—e5
238. Ф d1—d2 Ф e5—e6
239. Ф d2—d3 Ф e6—e7
240. Ф d3—d4 Ф e7—e8
241. Ф d4—d5 Ф e8—e9
242. Ф d5—d6 Ф e9—e0
243. Ф d6—d7 Ф e0—e1
244. Ф d7—d8 Ф e1—e2
245. Ф d8—d9 Ф e2—e3
246. Ф d9—d0 Ф e3—e4
247. Ф d0—d1 Ф e4—e5
248. Ф d1—d2 Ф e5—e6
249. Ф d2—d3 Ф e6—e7
250. Ф d3—d4 Ф e7—e8
251. Ф d4—d5 Ф e8—e9
252. Ф d5—d6 Ф e9—e0
253. Ф d6—d7 Ф e0—e1
254. Ф d7—d8 Ф e1—e2
255. Ф d8—d9 Ф e2—e3
256. Ф d9—d0 Ф e3—e4
257. Ф d0—d1 Ф e4—e5
258. Ф d1—d2 Ф e5—e6
259. Ф d2—d3 Ф e6—e7
260. Ф d3—d4 Ф e7—e8
261. Ф d4—d5 Ф e8—e9
262. Ф d5—d6 Ф e9—e0
263. Ф d6—d7 Ф e0—e1
264. Ф d7—d8 Ф e1—e2
265. Ф d8—d9 Ф e2—e3
266. Ф d9—d0 Ф e3—e4
267. Ф d0—d1 Ф e4—e5
268. Ф d1—d2 Ф e5—e6
269. Ф d2—d3 Ф e6—e7
270. Ф d3—d4 Ф e7—e8
271. Ф d4—d5 Ф e8—e9
272. Ф d5—d6 Ф e9—e0
273. Ф d6—d7 Ф e0—e1
274. Ф d7—d8 Ф e1—e2
275. Ф d8—d9 Ф e2—e3
276. Ф d9—d0 Ф e3—e4
277. Ф d0—d1 Ф e4—e5
278. Ф d1—d2 Ф e5—e6
279. Ф d2—d3 Ф e6—e7
280. Ф d3—d4 Ф e7—e8
281. Ф d4—d5 Ф e8—e9
282. Ф d5—d6 Ф e9—e0
283. Ф d6—d7 Ф e0—e1
284. Ф d7—d8 Ф e1—e2
285. Ф d8—d9 Ф e2—e3
286. Ф d9—d0 Ф e3—e4
287. Ф d0—d1 Ф e4—e5
288. Ф d1—d2 Ф e5—e6
289. Ф d2—d3 Ф e6—e7
290. Ф d3—d4 Ф e7—e8
291. Ф d4—d5 Ф e8—e9
292. Ф d5—d6 Ф e9—e0
293. Ф d6—d7 Ф e0—e1
294. Ф d7—d8 Ф e1—e2
295. Ф d8—d9 Ф e2—e3
296. Ф d9—d0 Ф e3—e4
297. Ф d0—d1 Ф e4—e5
298. Ф d1—d2 Ф e5—e6
299. Ф d2—d3 Ф e6—e7
300. Ф d3—d4 Ф e7—e8
301. Ф d4—d5 Ф e8—e9
302. Ф d5—d6 Ф e9—e0
303. Ф d6—d7 Ф e0—e1
304. Ф d7—d8 Ф e1—e2
305. Ф d8—d9 Ф e2—e3
306. Ф d9—d0 Ф e3—e4
307. Ф d0—d1 Ф e4—e5
308. Ф d1—d2 Ф e5—e6
309. Ф d2—d3 Ф e6—e7
310. Ф d3—d4 Ф e7—e8
311. Ф d4—d5 Ф e8—e9
312. Ф d5—d6 Ф e9—e0
313. Ф d6—d7 Ф e0—e1
314. Ф d7—d8 Ф e1—e2
315. Ф d8—d9 Ф e2—e3
316. Ф d9—d0 Ф e3—e4
317. Ф d0—d1 Ф e4—e5
318. Ф d1—d2 Ф e5—e6
319. Ф d2—d3 Ф e6—e7
320. Ф d3—d4 Ф e7—e8
321. Ф d4—d5 Ф e8—e9
322. Ф d5—d6 Ф e9—e0
323. Ф d6—d7 Ф e0—e1
324. Ф d7—d8 Ф e1—e2
325. Ф d8—d9 Ф e2—e3
326. Ф d9—d0 Ф e3—e4
327. Ф d0—d1 Ф e4—e5
328. Ф d1—d2 Ф e5—e6
329. Ф d2—d3 Ф e6—e7
330. Ф d3—d4 Ф e7—e8
331. Ф d4—d5 Ф e8—e9
332. Ф d5—d6 Ф e9—e0
333. Ф d6—d7 Ф e0—e1
334. Ф d7—d8 Ф e1—e2
335. Ф d8—d9 Ф e2—e3
336. Ф d9—d0 Ф e3—e4
337. Ф d0—d1 Ф e4—e5
338. Ф d1—d2 Ф e5—e6
339. Ф d2—d3 Ф e6—e7
340. Ф d3—d4 Ф e7—e8
341. Ф d4—d5 Ф e8—e9
342. Ф d5—d6 Ф e9—e0
343. Ф d6—d7 Ф e0—e1
344. Ф d7—d8 Ф e1—e2
345. Ф d8—d9 Ф e2—e3
346. Ф d9—d0 Ф e3—e4
347. Ф d0—d1 Ф e4—e5
348. Ф d1—d2 Ф e5—e6
349. Ф d2—d3 Ф e6—e7
350. Ф d3—d4 Ф e7—e8
351. Ф d4—d5 Ф e8—e9
352. Ф d5—d6 Ф e9—e0
353. Ф d6—d7 Ф e0—e1
354. Ф d7—d8 Ф e1—e2
355. Ф d8—d9 Ф e2—e3
356. Ф d9—d0 Ф e3—e4
357. Ф d0—d1 Ф e4—e5
358. Ф d1—d2 Ф e5—e6
359. Ф d2—d3 Ф e6—e7
360. Ф d3—d4 Ф e7—e8
361. Ф d4—d5 Ф e8—e9
362. Ф d5—d6 Ф e9—e0
363. Ф d6—d7 Ф e0—e1
364. Ф d7—d8 Ф e1—e2
365. Ф d8—d9 Ф e2—e3
366. Ф d9—d0 Ф e3—e4
367. Ф d0—d1 Ф e4—e5
368. Ф d1—d2 Ф e5—e6
369. Ф d2—d3 Ф e6—e7
370. Ф d3—d4 Ф e7—e8
371. Ф d4—d5 Ф e8—e9
372. Ф d5—d6 Ф e9—e0
373. Ф d6—d7 Ф e0—e1
374. Ф d7—d8 Ф e1—e2
375. Ф d8—d9 Ф e2—e3
376. Ф d9—d0 Ф e3—e4
377. Ф d0—d1 Ф e4—e5
378. Ф d1—d2 Ф e5—e6
379. Ф d2—d3 Ф e6—e7
380. Ф d3—d4 Ф e7—e8
381. Ф d4—d5 Ф e8—e9
382. Ф d5—d6 Ф e9—e0
383. Ф d6—d7 Ф e0—e1
384. Ф d7—d8 Ф e1—e2
385. Ф d8—d9 Ф e2—e3
386. Ф d9—d0 Ф e3—e4
387. Ф d0—d1 Ф e4—e5
388. Ф d1—d2 Ф e5—e6
389. Ф d2—d3 Ф e6—e7
390. Ф d3—d4 Ф e7—e8
391. Ф d4—d5 Ф e8—e9
392. Ф d5—d6 Ф e9—e0
393. Ф d6—d7 Ф e0—e1
394. Ф d7—d8 Ф e1—e2
395. Ф d8—d9 Ф e2—e3
396. Ф d9—d0 Ф e3—e4
397. Ф d0—d1 Ф e4—e5
398. Ф d1—d2 Ф e5—e6
399. Ф d2—d3 Ф e6—e7
400. Ф d3—d4 Ф e7—e8
401. Ф d4—d5 Ф e8—e9
402. Ф d5—d6 Ф e9—e0
403. Ф d6—d7 Ф e0—e1
404. Ф d7—d8 Ф e1—e2
405. Ф d8—d9 Ф e2—e3
406. Ф d9—d0 Ф e3—e4
407. Ф d0—d1 Ф e4—e5
408. Ф d1—d2 Ф e5—e6
409. Ф d2—d3 Ф e6—e7
410. Ф d3—d4 Ф e7—e8
411. Ф d4—d5 Ф e8—e9
412. Ф d5—d6 Ф e9—e0
413. Ф d6—d7 Ф e0—e1
414. Ф d7—d8 Ф e1—e2
415. Ф d8—d9 Ф e2—e3
416. Ф d9—d0 Ф e3—e4
417. Ф d0—d1 Ф e4—e5
418. Ф d1—d2 Ф e5—e6
419. Ф d2—d3 Ф e6—e7
420. Ф d3—d4 Ф e7—e8
421. Ф d4—d5 Ф e8—e9
422. Ф d5—d6 Ф e9—e0
423. Ф d6—d7 Ф e0—e1
424. Ф d7—d8 Ф e1—e2
425. Ф d8—d9 Ф e2—e3
426. Ф d9—d0 Ф e3—e4
427. Ф d0—d1 Ф e4—e5
428. Ф d1—d2 Ф e5—e6
429. Ф d2—d3 Ф e6—e7
430. Ф d3—d4 Ф e7—e8
431. Ф d4—d5 Ф e8—e9
432. Ф d5—d6 Ф e9—e0
433. Ф d6—d7 Ф e0—e1
434. Ф d7—d8 Ф e1—e2
435. Ф d8—d9 Ф e2—e3
436. Ф d9—d0 Ф e3—e4
437. Ф d0—d1 Ф e4—e5
438. Ф d1—d2 Ф e5—e6
439. Ф d2—d3 Ф e6—e7
440. Ф d3—d4 Ф e7—e8
441. Ф d4—d5 Ф e8—e9
442. Ф d5—d6 Ф e9—e0
443. Ф d6—d7 Ф e0—e1
444. Ф d7—d8 Ф e1—e2
445. Ф d8—d9 Ф e2—e3
446. Ф d9—d0 Ф e3—e4
447. Ф d0—d1 Ф e4—e5
448. Ф d1—d2 Ф e5—e6